

72
В49

Виноградов
Виктор Никонович

О себе.
И не только
Несколько автобиографических страниц

2015 г.
г. Витебск

72.6(475м)

В 49

Для библиотеки

ВТУ им. П.М. Машерова

от автора.

Декабрь 2018г.

В. Виноградов.

Филипп

РЕПОЗИТОРИЙ ВТУ

1-150

Вместо предисловия

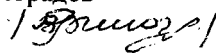
Эти заметки начинаются с автобиографической справки. Она была написана в 1995 г. по просьбе работников государственного архива Витебской области (ГАВО) как введение к перечню хранящихся у них документов о моей педагогической, научной, административной и общественной работе. Справка дается без какой-либо правки на время.

Предлагаемые записи тоже автобиографические. Но это не мемуары. Они никак не нацелены на характеристику моей работы в институте (университете) или работы его факультетов, преподавателей и пр. Они не выстроены и хронологически. Мне хотелось что-то сказать, скорее всего, «самому себе», семье, вспоминая некоторые страницы из своей жизни. Для мемуаров же нужны другие литературные средства, иная форма подачи предлагаемого материала и пр.

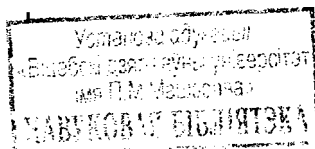
В то же время хочется верить, что данные записки - это в какой-то степени средство благодарности тем людям, кто был рядом, кто меня растил, принимал участие в моей судьбе, ведя вперед, как «добрые ангелы» по широкому большаку жизни (так называли у нас раньше лучшие дороги).

И... «пусть крест тяжел, трудна дорога... - как писал в одном из своих стихотворений известный витебский художник - иди вперед и не робей. Ты жив пока - и слава Богу», живи на радость для людей (последнее я добавил от себя).

Ваш В.Н. Виноградов

* 20543355 *

1. Фрагменты автобиографии

Взяты из справки для архива 1995г.

Наша семья, с тех пор как помню себя, и до отъезда в 1975 г. родителей в г. Витебск, проживала в доме (по тогдашней терминологии будке) на 515 километре железной дороги Ленинград (С.-Петербург) - Витебск между станциями Бычиха и Росляки. В послевоенных документах (довоенных не сохранилось) записано, что я родился 3 ноября 1933 г. в д. Замосточье Городокского района. На самом же деле я родился в железнодорожной казарме (так назывались тогда многоквартирные дома) на 514км, а позднее отец с семьей переселился в железнодорожную будку 515 км, которая и стала моим постоянным адресом и родным домом детства и юношества.

Деревня Замосточье (до конца 30-х годов она называлась Блохи) находилась рядом и располагалась возле единственного тогда моста-путепровода на всей железнодорожной линии Витебск-Невель. В предвоенное время мост, как негабаритный, был снесен в связи с началом эксплуатации новых тяжелых паровозов «ФД». Деревня существовала до исключения ее из списков населенных пунктов в конце 70-х годов.

Отец - Виноградов Никон Осипович, рожд.1903., д.Блохи, в свое время окончил два класса. С 1928 г. работал на железной дороге. Откуда появились в деревне Блохи ВИНОГРАДОВЫ – ни его отец, ни дед – не помнили.

Мать – Варвара Тимофеевна, рожд. 1910г., д.Поздняково (в паспорте-д.Полуяново – деревни расположены рядом), девичья фамилия Тимофеева –неграмотная.

С 1940г. учился в начальной школе д.Хотешино (см. на картах 1937 г и ранее), где за один год окончил два класса. Деревня Хотешино располагалась где-то в 3-х км от нашей будки. До школы на отдельных участках не было даже проселочной дороги, добираться приходилось одному по тропинкам или напрямик через поля и Климовский мох, где летом добывался торфобрикет для существовавшего в те годы Загорянского спиртзавода.

Во время войны и по день освобождения в декабре 1943 г. проживали в разных деревнях Кузьминского сельского совета, на территории которого размещалась и наша будка. Отец не был призван в армию, так как имел бронь. Два его брата из трех мобилизованных погибли.

После войны некоторое время учился вновь в Хотешинской, а в 1944-46гг. в Якушенской начальной школе. Выпускные экзамены за начальную школу сдавал в Вировлянской СШ, Якушенская школа располагалась тогда на территории Вировлянского сельского совета.

В V классе обучался в Варховской НСШ (это в 6 км от нашей будки), а в VI-VII классах – в Кузьминской НСШ после ее открытия в 1947г.

Указанные выше деревни (кроме Вархи) административно входили тогда в состав Меховского (позднее Езерищенского) района до слияния его с Городокским.

После окончания школы настойчиво собирался поступать в железнодорожный техникум (г.Орша), но появление в школе нового учителя-фронтовика Мельникова Андрея Васильевича круто изменило мою судьбу. Он уговорил меня поступать в педагогическое учебное заведение. В июле 1949 г. мы вместе приехали в Витебск и 5 июля сдали документы в педучилище, которое в этом же году преобразовалось в художественно-графическое педучилище (сокращенно-ВХГПУ).

Поскольку семилетнюю школу я окончил с похвальной грамотой, я был зачислен без вступительных экзаменов.

Впоследствии А. В. Мельников проживал в г. Витебске и долгое время работал на маслоэкстракционном заводе.

Моими учителями в училище были А.Н.Солохо (директор и преподаватель педагогики), С.В. Селицкий (история), В.К.Дзежиц и И.Т. Бабоедов (пещпредметы) и др.

В училище уже на I курсе был избран в состав профкома учащихся, а потом в течении нескольких лет был его председателем.

С 1952 г. работал одновременно учителем черчения и рисования в СШ № 25 г. Витебска (директор Ю.А. ЛЕОНЕНОК).

После окончания училища вновь решил связать свою жизнь с железной дорогой. В 1953 г. с 1 октября в Гомеле открылся Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта (БИИЖТ) и я, имея диплом с отличием об окончании педучилища, пройдя медкомиссию, был зачислен студентом 1 курса строительного факультета без вступительных экзаменов. На этом факультете, считал я, смогу применить свои знания по рисованию, черчению, начертательной геометрии.

Однако в середине сентября месяца я получил в деревню (железнодорожная будка 515км.) извещение из БИИЖТа, что должен явиться и сдать вступительные экзамены по рисованию и черчению. Но экзамены мне не пришлось сдавать – в институте сказали, что я поступаю не по профилю, и я из института был отчислен, так и не приступив к занятиям.

Я жаловался: обращался в Железнодорожный райком и горком г. Гомеля, в Гомельской и Витебский обкомы партии (я уже был кандидатом в члены КПСС), ездил в ЦК КПБ, писал председателю президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову – не помогло. Написав письмо-жалобу в газету «ПРАВДА», я стал думать о дальнейшей работе или учебе. Место, где я работал ранее учителем, было занято, поэтому безрезультатным был наш совместный с Ю.А. Леоненком визит в облОНО по этому поводу.

Помог случай – встреча со С.В. Селицким. Он посоветовал продолжить учебу в Витебском пединституте, где уже к этому времени работал сам. И хотя прием был давно закончен, он попросил А.Н.Солохо сходить вместе с ним и со мной в отдел школ и ВУЗов Витебского обкома КПБ. Там подготовили письмо в институт от имени заведующего отделом за подписью инструктора Красинской. Вечером С.В. Селицкий и А.Н. Солохо посетили дома директора института П.Е. Медведева (он был в отпуске, а его заместитель С.М. Степанов не решался взять на себя по моему зачислению ответственность). По резолюции П.Е. Медведева (это письмо имеется в личном деле студента В.Н. Виноградова) я был 30.09.53 г. принят на физико-математический факультет (специальность «физика») института. Пришлось переписывать конспекты, наверстывать упущенное.

Глубокой осенью (где-то в конце ноября месяца) я получил письмо из ГУУЗа МПС СССР (мое письмо из газеты «ПРАВДА» было направлено сначала в Минвуз СССР, оттуда – в Министерство путей сообщения, затем - в ГУУЗ) за подписью его начальника Добровольского, что я восстановлен в правах студента БИИЖТ и могу приступать к занятиям.

Но, не желая уже расставаться с педагогическим институтом, обретая здесь друзей, я не решился ехать в Гомель.

В институте обучаясь, работал одновременно лаборантом на 0.5 ставки кафедры элементарной математики, инспектором-методистом ОЗО.

Срок обучения тогда был четырехгодичным. Однако в 1956 г. институт был переведен на пятилетний учебный план путем оставления студентов еще на один год. В связи с этим несколько студентов факультета до начала учебного года через Министерство просвещения по уважительным причинам получили право на перевод в Полоцкий пединститут (открыт в 1953 г.), который в связи с предполагавшимся закрытием на пятилетний срок обучения переведен не был.

В период зимних каникул на четвертом курсе я тоже решил проситься на перевод в Полоцк. За советом обратился к С.В. Селицкому. Он одобрил мое решение. Более того, снабдил меня личным письмом к своему брату В.В. Селицкому, работавшему тогда деканом филологического факультета в Полоцком пединституте.

Не смотря на то, что тогда строго запрещались переводы на последний курс в другой ВУЗ без санкции Министерства, тем более в середине учебного года, после встречи со мной бывший директор института П.Е. Терентьев (с 1959 г. – он директор Витебского пединститута) дал согласие на перевод. Так, для окончания педагогического института в феврале 1957 г. я прибыл в Полоцк.

Весной на распределении (из Министерства присутствовал зам. министра просвещения Мурашко, который распределял на работу меня в свое время в педучилище) мне предложили остаться на работе в Полоцком пединституте. Я дал согласие.

Однако, узнав об этом, директор Витебского пединститута П.Ф. Грук (он сменил на этой должности П.Е. Медведева),

настойчиво и обязательно потребовал от меня возвращения – уже на работу – в Витебский пединститут. В июне месяце я вместе с ним побывал в Минске в Министерстве просвещения у Мурашко, где П.Ф. Грук доказал ему необходимость моей работы именно в Витебском пединституте. В то время в Витебске (как и в Полоцке) существовала специальность «математика и черчение», к тому же в 1957 г. открывался факультет начальной школы (так его называли вначале), где и планировалась моя работа. И я летом получил перераспределение в Витебск на должность ассистента кафедры высшей математики (зав. В.Д. Чистяков).

В 1957-59 гг. преподавал черчение на физико-математическом факультете и рисование на факультете начальной школы. В связи с поручением мне чтения лекционного курса в 1958 г. был переведен с должности ассистента на должность преподавателя (приказ от 17 декабря 1958 г.).

С начала 1959 г. занимался подготовкой открытия художественно-графического факультета. В 1958 г. в художественно-графическом училище впервые был осуществлен прием абитуриентов (50 человек), имевших не семилетнее, а среднее образование. В 1959 г. они потом были зачислены студентами второго курса пединститута. В свою очередь в 1959 г. на первый курс было принято 25 человек. Поэтому с 1959 г. художественно-графический факультет стал существовать сразу в составе двух курсов.

С момента создания в 1959 г. кафедры рисунка и графики (зав. кафедрой Дзежиц В.К.) я был включен в ее состав для работы на художественно-графическом факультете.

В 1960 г. (приказ от 28 сентября) я был переведен на должность старшего преподавателя.

После образования в 1961 г. кафедры начертательной геометрии и черчения (в результате разделения кафедры рисунка и графики) стал работать на ней.

В мае 1963 г. со мной состоялось собеседование на предмет работы в должности декана художественно-графического факультета, но внезапная смерть тогдашнего заведующего недавно созданной кафедрой А.Т. Вавченко изменила решение руководства института и в мае 1963 г. я был назначен, а 16 июля избран по

конкурсу на должность заведующего (доцента) кафедрой начертательной геометрии и черчения.

Неоднократно, еще до получения ученой степени кандидата наук, приглашался на работу в Минск, Чернигов, Гомель (по иронии судьбы – в БИИЖТ, на должность заведующего кафедрой), позднее – в Москву (АПН, пединститут им. В.И. Ленина, в др. места). Но привязанность к родным местам, к своему институту всегда заставляла меня оставаться в Витебске.

В 1965-66 гг. проходил одногодичную аспирантскую подготовку в тогдашней Академии педагогических наук СССР (г. Москва) в секторе дидактики, которым руководил известный стране ученый М.Н. Скаткин. Там же готовилась кандидатская диссертация на тему «Исследование графической деятельности учащихся в процессе решения задач на построение изображений». Однако, в связи с тем, что полученные мною классификации графических задач, другие материалы были заимствованы моим руководителем (впоследствии одним из моих соавторов по учебнику) А.Д. Ботвинниковым для своей будущей докторской диссертации «Графическая деятельность», я вынужден был представить во втором варианте диссертацию на защиту на художественно-графический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. В состав Совета там входили такие известные ученые, как В.О. Гордон, Г.А. Владимирский (начертательная геометрия), Н.Н. Ростовцев (изобразительное искусство), С.И. Дембинский (методика преподавания черчения и изобразительного искусства, впоследствии мой соавтор по учебнику), Е.И. Игнатъев (психология изобразительной деятельности) и др., поэтому защищаться в таком Совете было авторитетно и в то же время ответственно. Защита состоялась в феврале 1968 г.

В 1969 г., уже в бытность ректором А.Р. Горбачева, был назначен проректором по учебной и научной работе. Вскоре кафедру в связи с этим пришлось оставить. Однако, в 1976 г. я вновь решил избраться на должность заведующего кафедрой, чтобы уйти с проректорской работы и заняться научными исследованиями. Но этим моим планам не суждено было осуществиться.

В один из январских дней 1978 г. (уже после 17 часов) мне было приказано явиться к 9.00 следующего дня в Минск (поезд уходил около 9 часов вечера). В Минске мне сообщили, что я рекомендован к назначению на должность ректора института. Никакие мои аргументы не помогли. Мне вручили два пакета – один с документами на освобождение А.Р. Горбачева (в связи с уходом на пенсию), другой – с документами на меня, и направили в Москву. После собеседования в Министерстве просвещения СССР и в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР я через несколько дней Коллегией этого Министерства (см. копию решения) был рекомендован ректором Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. С 28 января приказом Министерства просвещения БССР я был назначен на должность. К этому времени я уже имел ученое звание профессора и почетное звание «Заслуженный работник высшей школы».

Докторская диссертация была подготовлена к защите в АПН СССР ко второй половине 70-х годов.

Однако, в связи с назначением меня ректором института я вынужден был оставить идею защиты диссертации, будучи крайне занятым административной работой. К тому же не хотелось привлекать внимание к своей личности, поскольку подобная работа руководителя порой расценивалась как работа «на себя», а не на коллектив.

К защите докторской диссертации пришлось вернуться через много лет, уже после распада СССР, ввиду необходимости подготовки научных кадров в Беларуси и создания Совета по защите диссертаций в нашем институте. Диссертация была защищена на соискание ученой степени доктора педагогических наук, но не по методике преподавания, как кандидатская, а по «теории и истории педагогики». Она посвящена педагогическим основам графической подготовки учащихся школ и студентов педвузов. Защита состоялась в Минске 21 июня 1994 г. в Белорусском государственном педагогическом университете.

Потребность в газетных публикациях возникла у меня в связи с необходимостью привлечения внимания педагогической общественности к крайне неудовлетворительному состоянию

преподавания черчения как в школах, так и в педагогических институтах (см. наш доклад «Педагогические основы графической подготовки учащихся школ и студентов педвузов» Мн., 1995 г.). Первая публикация появилась в «Настаўніцкай газеце», затем в газетах «Витебский рабочий», «Звезда», «Советская Беларусь» и др. Первые журнальные статьи, пособия для учителей были посвящены проблемам разработки научных основ методики обучения черчению (см. указатель работ).

В 1965 г., во время тогдашней реформы школы, в Москве была создана Центральная комиссия по разработке содержания общего среднего образования, а при ней несколько комиссий по дисциплинам учебного плана, в т.ч. и по черчению. Я был назначен ученым секретарем такой комиссии (председатель – известный ученый-геометр, автор капитальных трудов по начертательной геометрии Н.Ф. Четверухин), а затем – председателем комиссии по разработке школьной программы. Вскоре был определен титульным редактором нового школьного учебника «Черчение», утвержденного в 1969 г. Министерством просвещения СССР в качестве стабильного. Это был первый в истории советской школы союзный учебник по черчению, издающийся отдельными издательствами СНГ и сейчас.

Некоторые сведения о членах семьи.

Брат – Николай, рожд. 1940 г. окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Работал в Витебске, Москве, за границей. В последнее время живет и работает в С.-Петербурге.

Жена – Елена Ивановна, рожд. 1933 г., д. Мозганы Витебского (ранее Суражского) района. Фамилия по отцу – Розвинова, отец – участник партизанского движения в Суражской зоне. Девичья фамилия матери – Ломоносова. В семье существует версия, что эта фамилия принадлежит известному в России роду М.В. Ломоносова. В свое время кто-то из Ломоносовых прибыл на Витебщину с севера, купил хутор в районе озера Вымно. Жил достаточно зажиточно.

В 1958 г. жена окончила Витебский пединститут, работала в Витебске учителем физики. Затем в Витебском пединституте, в последнее время до выхода на пенсию – зав. лабораторией.

Сын – Сергей, 1958 г.р., окончил Минский радиотехнический институт. Работал в Витебске на телезаводе, сейчас живет и работает в Минске.

Дочь – Алла, 1967 г.р., окончила Витебский пединститут, работала в школе при областной детской больнице. После учебы в аспирантуре работает ассистентом кафедры алгебры и методики математики Витебского государственного университета.

В настоящее время работаю ректором Витебского государственного университета. Университет создан на базе пединститута путем его реорганизации с 1 сентября 1995 г.

25 ноября 1995г.

г.Витебск

Виноградов

В.Н.

2. Всего несколько строк о родителях

Очень сожалею, что не записал из уст родителей сведения об их родителях, детстве, о впечатлениях от событий, которые им пришлось пережить за 93 года жизни каждого

Память у родителей была прекрасной. Отец мог сказать какая весна была в 1914 или 1924 году (он с 1903 года рождения); образно рассказать о своей службе в армии (он проходил её в Бобруйске в крепости; см. фото тех лет в альбоме), о железной дороге – она была введена в эксплуатацию в 1904 году - он помнил воспоминания старших жителей деревни об этом и многое другое.

Имея два класса образования, он знал произведения некоторых русских писателей, читал наизусть многие басни И.А. Крылова, стихи Н.А. Некрасова (особенно любил « Не сжатую полосу») и др.

Мама (в школу она не ходила вовсе) тоже знала некоторые басни И.А. Крылова, причем у неё были свои любимые басни: «Стрекоза и муравей», «Квартет» и др. Она мне рассказывала о

Парижской коммуне, читала наизусть стихи Д.И. Тютчева, и что интересно - многие стихотворения мало известного поэта А.Н. Плещеева, например: «Скучная картина», «На берегу», «Старик» и др., знала много сказок и умела их рассказывать.

Мама происходила из бедной многодетной крестьянской семьи. Её отец был верующим, что передалось маме. Жили они в д. Поздняково – это в семи километрах от д. Блохи, где жил отец. Мама – последняя из детей в семье, была очень красивой. Рано вышла замуж. Её сватали многие, но она отдала предпочтение моему будущему отцу, хоть и был он меньше её ростом и на семь лет старше. Основной мотив её замужества, как она рассказывала нам, было то обстоятельство, что отец работал на железной дороге, получал заработную плату. Женам не нужно было работать в колхозе, по роду занятий их именовали «иждивенками».

В округе рабочие железной дороги пользовались авторитетом. К примеру, железнодорожники (путевые обходчики, дежурные и пр.) обеспечивались жильем, форменной одеждой (см. фото в альбоме, сделанные в 30-х годах в Витебске – отец в фуражке с кокардой). Им полагался бесплатный проезд один раз в год в любой район страны, амбулатория. На полосе отвода им давали землю под огород, сенокос, они могли держать лошадь в складчину и др., для детей железнодорожников имелись свои школы (у нас- в Бычихе).

Маму уважали жители близлежащих деревень. Она знала заговоры от болезней, к ней приходили «за водой», она помогала многим людям -«мерила» их суровой ниткой, наговаривала воду и пр. О матери у меня самые светлые и тёплые воспоминания.

У верующей мамы я рос атеистом (каким был и отец). Мама, как верующая, вначале не давала своего согласия на моё вступление в комсомол. Это было во время учебы в Кузьминской НСШ (неполной средней школе). После - разрешила. Билет члена ВЛКСМ я получал в Езерище, центре нашего Меховского района (наверное, 1948 г.?).

Отец в молодости был крутым, горячим человеком. В гостях у родственников любил хорошо выпить, но меня всячески оберегал от спиртного. Маме иногда бывало нелегко с ним.

Помню, что в молодые годы они ходили на деревенские вечеринки. Меня отводили к бабушке в деревню, а иногда, если

вечеринка была близко, брали с собой. Там в хате, где организовывалась вечеринка, меня и других ребят, сажали на печку. Оттуда мы и наблюдали за всем происходящим.

Маму, как красивую молодую женщину парни (мальцы) приглашали на «кадриль». Отцу это не нравилось. И однажды после вечеринки (я тоже на ней был) он дома затеял ссору. Маме ничего не оставалось делать, как взять меня и убежать в деревню к бабушке. Вот тогда она и говорила с обидой: «и зачем я вышла замуж за тебя?». Позднее он подобные случаи вспоминал с улыбкой и шутками.

А работал отец на железной дороге хорошо. В довоенные годы (да и потом) его фото всегда было «на красной доске». В дистанции пути (ПЧ) им гордились – и в бригаде, и в казарме 514 км. (это в 500-х метрах от нашей будки), и в деревне, где жили родственники.

Вообще, отцу в молодости жилось особенно трудно. Семья большая, отец его (мой дедушка Осип) вернулся с мировой войны больным и вскоре умер. На отца, практически на подростка, легли все заботы о семье (он был старшим среди детей). Он рассказывал нам с мамой, что все работы в поле (обработка земли, посев и уборка), обмолот, покос, содержание скота и построек и др. лежали на нём.

Да и потом, будучи семейным человеком, работая путевым обходчиком и ведя своё домашнее хозяйство, он помогал людям, в том числе и своим родственникам. Так после гибели мужа у сестры Елизаветы он много делал для неё – вдовы с двумя малолетними девочками. И сейчас (2012 г.) одна из них, проживая в д. Малашенки, вспоминает, как дядька Никон учил её ухаживать за коровой, как её кормить, сколько давать сена и пр.

Во время войны не стало его брата Фёдора. В д. Злыдни (потом д.Первомайка) осталась вдовой с двумя детьми его жена – Анюта. И отец срубил ей хату из осиновых бревен, заготавливая их в небольшом лесу, называвшемся Кнея, в километре от их деревни.

Потеряла мужа и приемного сына (оба погибли во время войны) и сестра матери Хима. Она проживала в 5-ти километрах от нас в д. Шакурово. И отец взял на себя все работы по обустройству землянки, в которой она затем несколько лет жила вместе с двумя

детьми. Внучка её – Андреева Светлана Ивановна сейчас проживает и работает здесь в г. Витебск.

Отец научился делать кирпич и складывать печки, возделывать кожи и шить сапоги, бондарничал, столярничал и пр. И помощь его позволяла жить многим семьям в то тяжёлое послевоенное время.

Отдельным хозяйственным работам научился и я. Но не только им. Отец учил меня, а затем и младшего брата Колю, как вести себя в трудную и опасную минуту (и это помогало нам во время войны), как на ходу садиться на грузовой поезд, как прыгать с подножки тормозной площадки и пр. Я уже в детстве знал многие железнодорожные сигналы, отдельные правила технической эксплуатации (ПТЭ), виды путевых работ и пр.

Отец помогал мне в налаживании быта во время учебы в училище. После того, как мы с ним нашли частную квартиру для проживания, он на поезде привозил солому, чтобы сделать так называемый матрац для палатей, на которых я спал.

А какой была радость для семьи, когда отец выиграл на облигацию тысячу рублей! Ведь в училище я ходил в телогрейке, сапогах (сшитых отцом), брюках-галифе, пошитых матерью из солдатской шинели и перекрашенных, как тогда говорили, в анилиновых красках. Мне купили шевиотовый темно-синий костюм (600 руб.), туфли (100 руб.), плащ, шляпу и другие вещи. Новая одежда как-то выделяла меня из общей массы учащихся, дисциплинировала, учила аккуратности и бережливости.

20.03.2012 г. Витебск

P.S. В продолжение рассказа о родителях, о престиже рабочего вспоминаю такой эпизод.

Пришел я из деревни (лет 5, наверно, было мне, брата еще не было). Отец с матерью ужинали. Я похвастался, что узнал новые припевки и могу им спеть (тогда говорили «сыграть»). Но после каждой припевки они должны повторять: «Правильно, правильно. Совершенно верно».

Они согласились. Я стал возле печки, поставил «руки в боки» и на мотив мелодии «Семёновна» начал петь:

Самолет летит

Через станцию,
А у колхозничка
Хлеб на квитанцию.

Родители проговорили: «Правильно, правильно. Совершенно верно».

Далее я пропел вторую припевку:

Самолет летит
Через лес густой,
А у колхозника
Кошелек пустой.

Конечно, частушки были едкими, не для публики. За них могли и наказать. Но ребята распевали их. Научился и я.

3. Как я знакомился с некоторыми географическими наименованиями населенных пунктов

ЛЕНИНГРАД. Брат отца Петр работал в Ленинграде на фабрике резиновых изделий «Красный треугольник». Проживал в общежитии на канале Грибоедова – это я знал. Ежегодно отец с матерью ездили в Ленинград за покупками (отцу давали бесплатный билет, как железнодорожнику, на него и на мать). Поэтому в обиходе у нас часто звучало слово «Ленинград». Что такое канал Грибоедова я не представлял.

МОСКВА. Дядька отца Иван после выпивки любил показать, что он не пьян, может пройти по одной мостниченке приговаривая слова : «Москва-Ленинград, блоха – виноград» (блоха – деревня Блохи, виноград – фамилия Виноградов).

ГОМЕЛЬ. Старший сын Сергеехи Роман жил с семьёй в Гомеле, летом приезжал в деревню.

ОРША. Мать вязала шерстяные платки и однажды она повезла их продавать в Оршу. Она говорила, что в Орше до базара от вокзала далеко. Отсюда я узнал, что есть такой город.

КИЕВ. Ежедневно мимо нас где-то под вечер (часов в шесть) проходил пассажирский поезд Киев-Ленинград. Номер поезда – 50,

поэтому его называли «полтинник». По поезду жители близлежащих деревень и мы сверяли часы – ходики.

ОРЕДЕЖ. (ж.д. станция, река и населенный пункт в Ленинградской области). Мать рассказывала, что когда они ездили в Ленинград и поезд подходил к реке Оредеж, проводник предупреждала пассажиров: «Закрывайте окна». Мне казалось, это потому, что Оредеж широкая река. А уже потом, когда я сам ехал в Ленинград в 1952 г. на экскурсию вместе с учащимися училища, я увидел, что на этой реке мост имел металлическую ферму. И чтобы никто из пассажиров не высовывался из окна и не зацепился за нее, окна вагона закрывали.

ДРЕТУНЬ. (ж.д. станция и деревня в Полоцком районе). В Дретуне был военный полигон. И когда там проходили учения, звук канонады иногда доходил (это около 40 км.) и до нас. Говорили: «Стреляют в Дретуне».

УСВЯТЫ. Ещё когда я был совсем малым, меня бабушка Анастасея взяла к себе в деревню Поздняково (это в 7 км. от нашей будки). Однажды мы с ней пошли в д. Хомёнки, где жила тетка Дунька (её старшая дочь). И вот, пересекая 2 или 3 раза дороги-большаки я спрашивал – куда они ведут. И она отвечала « В Усвят». Для меня это было что-то загадочное, раз дороги ведут туда.

С Усвятами, райцентром Псковской области, я познакомился потом, но было это уже в 90-х годах в бытность работы ректором.

4. Мои первые книжки

Читать научился рано. Кто учил? Не знаю. У отца образование – 2 класса, мать – неграмотная. Видимо, помогло то обстоятельство, что в деревне в одной из семей было две школьницы. И я знакомился с разными учебниками у них, даже латинский шрифт изучил.

Но первой моей книжкой был не букварь.

Отец работал на железной дороге путевым обходчиком. И у него было расписание движения пассажирских поездов. Оно лежало на шкафу, изрядно запыленное. На титульном листе было

написано: «Утверждаю Народный Комиссар путей сообщения СССР Л.М. (Лазарь Моисеевич) Каганович» и роспись.

В расписании я читал названия станций. Между станциями Росляки и Бычиха было указано: Блок-Пост 514 км. (мы называли разъездом). Это рядом (мы жили в начале 515-го километра). Из окна дома виден один из семафоров (нечетный), стрелка для въезда на ветку, где осуществлялась погрузка заготовленной щебенки. Помню – читал названия других станций, которые мне нравились: Залучье, Заверезье и др.

Вторая книжка – «Чытанка» - книга для чтения после букваря. В ней был напечатан рассказ «Иншакраинка», как одна девочка, голодная, грязная перешла границу и оказалась на нашей территории. В рассказе говорилось, как её отмывали, кормили и пр.

В школе (1940 г.) меня из первого класса через несколько дней пересадили во второй. Что читал – не помню. Но вспоминаю книжки, которые я купил впервые в жизни. Было это после освобождения нашей территории от немецко-фашистских захватчиков. В Бычихе в 1944 г. был открыт сельмаг («крама» - его называли по-белорусски). В нем летом я купил две книжечки. Одна называлась «Жалуды» («Жёлуди»), другая – доклад И.В. Сталина о 25-ой годовщине Октябрьской революции. Очевидно, других книжек не было.

Библиотек тоже не было. И нам в Кузьминской школе (это уже 6-ой класс) учительница белорусского языка Елена Ивановна Козлова (умерла 21.12.2012 г. в г. Витебске, похоронена в г.п. Езерище) организовала коллективное чтение книг. Так была прочитана «Хижина дяди Тома» (писательница Г. Бичер-Стоу – я запомнил тогда фамилию автора), затем – «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. По этой книжке мы вместе с сельской молодёжью проводили читательскую конференцию. Я рассказывал об одном из героев повести – комиссаре Воробьеве. И сейчас помню некоторые фразы из речи, принадлежавшей описанному Б. Полевым человеку.

Дома же первую, принесенную из школы книгу, читал по вечерам при свете лампы. Это был «Тихий Дон» Михаила Шолохова. «Зачитывался» с интересом.

24.12.2011 г.

5. «Швейцария» на 515-ом километре

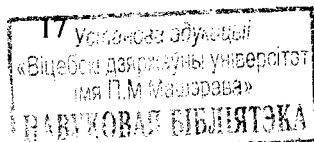
Говорят, что «каждый кулик свое болото хвалит». Так и должно быть. Место на этом большом земном шаре, ставшее для тебя родным, греет тебя всю жизнь. И сквозь прожитые годы отчетливо и трепетно видится всё то светлое, доброе и дорогое, что дала эта земля (незаслуженно называемая лишь малой Родиной) тебе, твоим родным, твоей семье.

Местность, где жили мои родители (деревня Блохи, ж.д. будка 515 км.), где рос и я, в природном отношении была крайне бедной. У нас в округе не было водоёма (озера, реки, пруда и пр.), где можно было бы искупаться, а сельскому парню научиться плавать.

Вблизи не было леса, рощи или болота, куда можно было бы сходить за ягодой или грибами. Чтобы наломать сосновых веток на помело (метёлку) для печи (она нужна была когда пекли хлеб) необходимо было идти километров 6-7 в бор (за ст. Росляки).

Практически единственной ягодой, к тому же пользовавшейся спросом у населения, была голубика, которую называли пьяницей. Во мху - это 2-3 км от нас, где она росла, было много багульника (говорили «баган»), и у некоторых сборщиков ягод через несколько часов начинала сильно болеть голова – баган излучал какие-то ядовитые вещества. Не избежал однажды такой участи и я. Лечила мама – заговаривала, клала меня в огороде в коноплю и пр. Из ягод варили кулагу – ягоды с мукой. На сбор ягод собирались жители многих деревень, даже из Бычихи (а это около 10 километров).

В деревне (7 дворов) не было садов и плодовых деревьев. Только у одной женщины (Пёкла её звали) было четыре яблони. Сад! Поэтому вкуса настоящих яблок в детстве мы не знали. Правда, у некоторых жителей было по одной дикой яблони (лескачи – мы так их называли) – многоствольные разлтые деревья с крайне кислыми мелкими плодами. Летом и осенью они были несъедобными. Но некоторые прятали на зиму их в сено. Там они вызревали, становились желтыми, ароматными. Их можно было кушать. Иногда по этому аромату ребята находили места, где спрятаны яблоки и воровали их.

Из ягодников у некоторых жителей росли вишни и крыжовник (агрест!). Но до степени зрелости мы ничего не допускали – поедали все еще зелёное. Ни у кого не было почему-то смородины (поречки), клубники и пр. Лишь у некоторых на пустыре росли клочки малины. А осенью мы ходили в кусты соседней деревни за калиной – тушили её в печке на еду и оставляли на зиму под крышей в сарае, употребляя зимой с мороза, как лекарство или лакомство.

Вот такое было наше природное «богатство». Но мы недостатков его не замечали. Для нас всё было близким, родным, своим. И мы радовались всему тому, что нас окружало.

Теперь, проехав немало километров по этой земле, увидев много красивых мест за рубежом и в Беларуси, я вновь возвращаюсь мысленно в то далекое детство, возвращаюсь с поклоном и благодарностью к окружавшей нас действительности, к знакомым проселочным дорогам и стежкам, камням и деревьям, ко всему тому, что растило нас, учило любить природу, людей и жизнь.

После войны нераспаханные поля заросли березами и у нас появились грибные рощи, земляничные поляны, в кустах – малиновые вырубки, в недалеком небольшом мху – черничные и брусничные места. Ну а возле дома (будки) – хорошие яблоки, груша и другие посаженные отцом плодовые деревья и кустарники.

Через некоторое время после написания данного эссе я прочитал в газете «Беларусь сегодня» беседу журналиста с 89-летней женщиной, жительницей одного из районов Брестской области. Вот что она сказала: «Кусочек земли, где прошли детство, отрочество и ранняя юность, всегда будет казаться раем. Даже если там была совсем не райская жизнь». Затем добавила: «И все-таки прошлое сегодня дороже, чем тогда, когда было настоящим». Как созвучны эти слова с тем, о чем думал и я.

13.02.2013г.

6. Гармонь

Мама, Варвара Тимофеевна, любила слушать гармонь, особенно – когда кто-то летним тихим вечером играл в соседней деревне. Слышимость – прекрасная. И мы наслаждались этими звуками, выполняя одновременно на дворе какую-либо работу по дому или прислушиваясь так.

В нашей деревне на гармонии никто не играл. Да и среди родственников не было человека, который владел бы каким-нибудь музыкальным инструментом. И мне решили купить гармонь.

Гармонь была немецкого строя. Кроме этого существовали гармони русского строя и хроматические (хромка 25x25). Гармонь (с черными планками) стояла на столе, рядом с многочисленными комнатными цветами, которые выращивала мама. Правда, говорили, что ранее этим цветам здорово доставалось, когда меня совсем малого оставляли одного дома, разостлав на пол самотканое покрывало, называвшееся «гунькой».

Как я учился играть? Мама напевала мелодию, а я должен был повторить её на гармонии. И хотя мне было уже лет 6, вывести тот или иной мотив я не мог. Так и оставалась гармонь стоять подолгу на столе.

Однажды пригласили ко мне двоюродного брата Ивана из деревни Поздняково (где родилась и мама). Он приехал на велосипеде, на котором был номерной знак. Тогда велосипеды регистрировали в милиции.

Брат был старше меня лет на 8, сажал меня на колени, привязывал тряпочками мои пальцы к своим и учил играть. Но то-ли пальцы не гнулись, то-ли желания у меня не было, но из такой науки у меня ничего не получалось. В общем гармонистом я тогда не стал.

А потом – война. Это страшное, горькое и голодное время. Передвигаясь во время немецкой оккупации от одной деревни к другой, мы таскали с собой и гармонь, завернутую в темный большой платок.

В декабре 1943 г. мы жили в землянке в километре от места нашей бывшей железнодорожной будки 515 км. В один из вечеров второй половины месяца появились передовые части Красной

Армии (сплошной линии фронта здесь не было). Нам предложили эвакуироваться в тыл на только что освобожденную территорию. Ночью началось контрнаступление немцев и мы под разрывы снарядов и мин вдоль трассирующих пулеметных очередей через поле двинулись в соседнюю деревню (а потом и дальше). Под каждый вой снаряда мы говорили только одно: «Пронеси, господи...». Тащить на саночках вещи, среди которых была и гармонь, было невозможно. И мы их оставили около железной дороги в защитных посадках – ёлочках.

Дней через десять, когда была завершена Городокская освободительная операция, нам разрешили вернуться к местам проживания. Увы, в ёлочках из вещей мы практически ничего не нашли. Как раз по этому месту прошло несколько танков, помесив гусеницами ёлки, землю и наши пожитки. От них осталось – мамин цветной шерстяной платок, две фотографии (они у меня в альбоме) и швейная машинка (она перекочевала потом и в Витебск). Гармони не было.

Весной, оставшиеся в живых жители стали отрывать ямы, в которых они в песке прятали свое нажитое «добро». Из одной ямы муж двоюродной сестры Нины Костюк Богданов достал спрятанную им гармонь. Не такую, как была у меня, но тоже немецкого строя. И гармонь отдали мне.

Однако от сырости в гармонии отклеились планки – мех себе, планки себе. Три части одной гармонии.

Кто-то сказал, что гармонь может склеить человек, проживающий в Городке напротив техникума. Что такое техникум я не знал. И осенью 1944 г. я повез гармонь мастеру. Через неделю забрал и стал на ней играть, подбирая мелодии танцев и песен.

Меня начали приглашать играть и на деревенских вечеринках. Правда, в 3-х км. от нашей будки в д. Злыдники (потом Первомайка) поселилась семья Филиппа Мартиненка (фамилия Куриленко). Филипп участник ВОВ, освобождал Венгрию - «мадьяр», как говорил он. Он играл на гармонии тоже. Но на вечеринки его часто не пускала жена. Вот один из примеров.

В д. Парфененки (2.5 км. от нас) Павел Костюченко собрал молодежь на вечеринку. Играть должен был Филипп. Но его не

пустила жена. Что было делать Павлу? Он садится верхом на коня и через кусты и поле едет к нам.

Мы с братом спали на полу (кровати не было). Переделанный из амбара в хату дом по-прежнему назывался будкой. Постучав в окно, Павел стал просить меня поехать играть на вечеринке. И я согласился – что было делать? Павел отдал мне лошадь и я босиком поехал в д. Парфененки через поле напрямик. Сам Павел взял гармонь и пошел по железной дороге до поворота на проселок. «Я буду растягивать меха по пути – сказал он, чтобы собравшиеся слышали, что гармонист едет». Вечеринка состоялась.

Однако играть на гармонии мне было тяжело: меха пропускали воздух. Они были сильно повреждены сыростью. И вот мужчина из нашей деревни – Скуратов Александр – посоветовал привезти гармонь в г. Витебск. Он служил охранником в тюрьме возле Смоленского рынка и сказал, что с ним работает парень, который может сделать ремонт.

В 1947 г. я привез гармонь в Витебск, и через несколько дней уже играл на ней до отхода поезда в железнодорожном общежитии, где проживали девчата, в том числе и из нашей местности.

В деревне я стал играть не только на вечеринках, но и на свадьбах, на школьных мероприятиях, ходил на кирмаш в д. Вировля и пр.

В 1948 г. ездил в райцентр Езерище Меховского района для выступления на олимпиаде (так называли тогда смотр) художественной самодеятельности.

В первый раз на свадьбе играл у двоюродного брата Ивана, который до войны учил меня музыкальному ремеслу через привязанные пальцы.

Играть на свадьбе надо было по особой программе. Под одну мелодию, например, наряжали невесту, под другую – входили в дом сваты и т.д. За столом гармонист исполнял марши для каждого гостя, называя его по имени. Этот гость потом передавал деньги гармонисту за сыгранный марш. Иному гостю марш повторяли. Видимо, поэтому в тексте одного из маршей были такие слова: «Ой вы Сашки да Машки мои, разберите-ка бумажки мои». Для гармониста эта была оплата за игру.

И на вечеринке, и на свадьбе, гармониста угощали. На одной из свадеб в соседней деревне Горлашки меня так «наугощали» самогоном, что еле гармонию домой притащил. На коленях стоял на полу перед отцом и матерью – просил прощения за случай с таким угощением.

А вот еще пример из моей игры на гармонии. В 1948-1949 учебном году в Кузьминской НСШ (семилетке), где я учился, мы ставили пьесу Кондрата Крапивы «Партизаны». По ходу пьесы нужна была грустная мелодия. Какую взять? Мама напела мелодию «жалостной» песни, где были такие слова: « В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла. Она своему родному сыну передачу принесла». Играя на гармонии мелодию этой песни, я одновременно исполнял в пьесе и свою роль.

В 1949 г. я был принят в Витебске в художественно-графическое училище. Жили мы бедно, не было денег на одежду и обувь, тем более на учебу в городе. Решили продать гармонию. Понес я её на Полоцкий рынок на так называемую «толкучку». Стал играть – гармонь издавала чистые звуки, звонко. Желающих поторговать, а потом и купить, нашлось немало. И я гармонию продал. Было это, наверное, в 1951 году. Так практически и закончились мои музыкальные страдания.

Тогда, что за гармонь у нас сейчас имеется? Об этом особый рассказ...

В училище я немного учился играть на аккордеоне, ходил в музыкальный кружок. Летом на каникулах мне, как председателю профкома, разрешили взять с собой домой аккордеон, который был в профкоме. И я в то лето вновь играл на вечеринках, но уже на аккордеоне.

Потом, когда подрос брат Николай, ему купили новую гармонию. Но он мало на ней играл, иногда брал в руки аккордеон. Я же на его гармошке не играл – она была хроматического строя, и я не стал переучиваться. Так у меня гармонии и не было.

И вот через много лет, где-то уже в 80-х годах, мать Елены Ивановны вместе со своим сыном Петром переезжали на новую квартиру по пр. Фрунзе с ул. Маяковского. Стали разбирать хлам в сарае, во дворе и... обнаружили там старую гармонию. Завезли мы её на дачу в Улановичи, иногда я на ней играл.

Однажды для какого-то мероприятия кафедре музыки понадобилась гармошка. Где её взять? Им нужна была лишь бутафорская принадлежность для концертов художественной самодеятельности. И мы с Еленой Ивановной отдали гармонь им.

Через несколько лет там вспомнили об этом – ректору гармонь не вернули – нашли какую-то, принесли.

С тех пор она у нас и имеется. Внуки её изрядно потрепали, но что-то сыграть ещё можно. Правда, настроение соответствующее бывает редко – так и стоит она у нас.

Р.С. Гармонь «б/у»

Однажды летом, это было уже после войны, пришёл к нам из Кузьминского сельсовета налоговый агент (агент, как тогда говорили). У нас не был уплачен налог на пахотную землю, которую мы обрабатывали возле своей будки на полосе отвода вдоль железной дороги. Это где-то соток 15.

В то время у нас не было денег – мы только что купили плошенькую коровку. Агент раскапризничался, начал орать, сказал, что он описывает всё наше имущество и накладывает на него арест. Отца дома не было, он был на работе. И мать сказала мне: «Беги, сынок, к мастеру». Мастер – это старшая должность в железнодорожном околотке, в который входило три бригады. Жил мастер на расстоянии 5 километров от нас в казарме на 520 километре. И я со слезами кинулся искать мастера. Бежал без отдыха, не понимая, а что может сделать мастер? Да и пойдёт ли (или побегит ли) он за 5 км. к нам?

Мастера я, конечно, не нашел и пустился домой обратно. Когда прибежал, агента уже не было. На столе лежал акт, где было сказано, что в случае неуплаты налога в срок, сельсовет забирает «гармонь б/у». Что значит «б/у» - я тогда не понимал. Лишь потом, когда я был уже председателем профкома педучилища, я узнал, что так называют вещи, бывшие в употреблении.

Через некоторое время мы собрали масло (400 граммов - один фунт в форме брикета), я свез его в Городок на базар, продал и мы уплатили налог.

Так гармонь выручила нас, спасла от «ареста» имущества. Вот что значит «гармонь б/у».

03.12.2009г.

7. Партизанская мина у железнодорожной будки 515 километр

По улице, на которой в Улановичах была расположена наша дача, часто проходил на свою дачу доцент нашего института Степан Васильевич Селицкий, человек, принимавшей в своё время активное участие в моей судьбе. Однажды он остановился и, подойдя к отцу – Никону Осиповичу (это было в конце 70-х годов, уже после переезда родителей в город) сказал:

- Мил человек. Мне кажется знакомым ваше лицо. Вы ведь ранее – путевой обходчик. Скажите, не вы ли помогали нам закладывать мину недалеко от своей будки?

- Да, это я, – ответил отец.

И тут начались воспоминания. Степан Васильевич был заброшен в тыл врага для диверсионной работы. И это он, вместе с другими партизанами, ставил мину на перегоне Росляки – Бычиха железной дороги Витебск – Невель.

Уже потом, после войны, отец рассказывал об этом дерзком действии партизан – мина была поставлена именно между нашей будкой и казармой на 514 км., чтобы притупить бдительность немецкого патруля, совершавшего ежедневный осмотр железнодорожного полотна. Патруль проходил где-то около 6 часов утра, мина устанавливалась примерно в 5 часов, на рассвете, говорил отец. Её нужно было хорошо замаскировать, что и помог тогда сделать отец.

Тот день помнил и я. Мама на нашей полоске жала рожь (значит, это было начало августа). Я бегал по тропинке на откосе. В сторону станции Бычиха шел немецкий эшелон. И вдруг ... мощный взрыв, вверх огромное черное облако из под вагона, скрежет падающей платформы с песком (немцы толкали платформы впереди паровоза) и мгновенно высыпавшие из вагонов немецкие солдаты.

Отец был дома, в будке. Его тут же схватили. Видя это, оставаясь на откосе, я начал плакать и кричать: «Папочка! Я тебя больше не увижу».

Потом группа солдат направилась бегом в сторону деревни Яночки (деревня находилась ближе к шоссе). Говорили, что в эшелоне была собака, она взяла след, по которому и двинулись солдаты.

Вот что содержится в письме в газету «Витьбичи» (20.02.2001г.) одного из жителей этой деревни Д.И. Романенко. «Немцы нагрянули к нам в деревню Яночки, окружили её, погнали людей к взорванному эшелону на расчистку пути, а затем – в Городок. Здесь неделю пытали, расстреляли подозреваемых, а остальных перевели в концлагерь».

Отца вначале допрашивали и пытали в Бычихе, потом в Городке. Но, учитывая то обстоятельство, что собака взял след на деревню (а не к нашей будке или казарме) отца потомпустили.

8. Знания – от общества «Знание»

В СССР в первые послевоенные годы было создано общество по распространению политических и научных знаний («Знание»). В работе общества принимали активное участие ученые и преподаватели Витебска. После окончания института (1957 г.) я тоже вступил в это общество. Поскольку второе образование получено мною по специальности «физика», то и тематика читаемых лекций была в основном связана с этой специальностью: «О полетах в космос», «Существуют ли чудеса в природе» и др.

Лекция «О полетах в космос» пользовалась необычайной популярностью. На неё было много заявок. Вспоминаются такие факты.

Август 1958 г., родился сын. Его только что привезли из роддома, мне нужно было бы побыть с ним и с женой дома, а у меня на руках несколько путевок на лекции в районы. Пришлось ехать.

Выехал сначала в г.п. Езерище. Там я должен был выступать на районной августовской конференции учителей. На конференции с

радостью встретил многих своих выпускников, в том числе и тех, с кем ранее учился вместе.

После выступления мне необходимо было ехать на Бычихинский льнозавод, где также должна была быть моя лекция, а оттуда в Витебск. Но неожиданно в моё расписание вмешалась находившееся в Езерише заведующая отделом культуры облисполкома (М. Жилинская?). Она попросила меня прочитать лекцию для библиотечных работников района, на семинар которых она и приехала. А чтобы я успел на льнозавод к положенному времени, она предложила мне воспользоваться её машиной. Пришлось согласиться.

После лекции на льнозаводе я доехал на машине до Бычихи, где собирался сесть на проходящий поезд, чтобы ехать в Витебск. Отпустив машину, я пошел на станцию. Но... поезд, на котором я собрался ехать, здесь не останавливался. Что было делать? Машину не вернешь. Пойти в железнодорожную будку 515 км. (это - 7км.), где жили родители или идти к кому-нибудь из родственников, кто проживал в соседней деревне? Уже вечерело, нужно думать, как добраться до Витебска. Ситуация осложнялась тем, что назавтра я должен был быть в Орше, где тоже на августовской конференции была запланирована моя лекция.

Пришлось идти на шоссе (1.5 км.), искать попутку, вновь ехать в Езерише, где останавливался интересующий меня пассажирский поезд.

В Витебске я был уже ночью, а утром выехал в Оршу. Конференция проходила во Дворце культуры железнодорожников – это недалеко от вокзала.

После пленарного заседания учителям было предложено две темы: « О полетах в космос» и «Есть ли снежный человек?» - какой-то лектор из Москвы. Абсолютное большинство учителей избрала лекцию о космических полетах. Да это и понятно – тема интересовала многих: первый искусственный Спутник Земли, космические скорости, подопытные животные (собачки) в космосе и пр.

Во второй половине дня я выступал на Осинторфе, где в конце рабочей смены меня ждали на торфобрикетном предприятии.

Вечером (правда, мне дали транспорт) я был уже с лекцией в г.п. Копысь.

В 1959 г. летом я был направлен с лекцией в Сенненский район. В моем распоряжении была кинопередвижка (на машине!), проигрывающее устройство, кинофильм. Командировка длилась несколько дней. Днем – отдых, развешивание объявлений о лекции. А вечером – через усилитель проигрывание грампластинок, в т.ч. песня «Ландыши» композитора О.Б. Фельцмана и др., затем – лекция, после – бесплатное кино. У нас был художественный фильм «Человек с ружьем».

А через лет 20 – вот ирония судьбы – мне пришлось быть руководителем областной организации общества «Знание» в качестве председателя Правления (на протяжении более 20 лет). А значит, членом Правления Всесоюзной организации (Москва), делегатом ряда съездов и пр. И ранний опыт работы лектором мне пригодился.

02.01.2013г.

9. А мог ли В.В. Михельсон предположить...

Это был 1959 г. Завершался мой второй учебный год преподавательской работы в педагогическом институте. За этот период было написано и опубликовано несколько газетных и журнальных статей о преподавании черчения в школе, подготовлено два пособия для учителей. Одно из них – «Внеклассная работа по черчению» издавалось в Москве (вышло в 1961 г.), другое – «Организация и проведение уроков черчения в школе» - должно было готовиться к изданию в Минске.

В связи с этим у меня возникла необходимость выезда в Минск в издательство «Учпедгиз». Прямого поезда на Минск не было тогда, нужно было ехать через Оршу и я воспользовался вот какой оказией.

Двоюродный дядя Елены Ивановны Способов Иван Прокофьевич работал водителем в Витебском обкоме комсомола и

часто бывал в Минске. Я попросил его переговорить с руководством обкома о возможности моей поездки в Минск при наличии свободного места в машине.

Согласие было получено. На этот раз в ЦК комсомола ехал непосредственно первый секретарь обкома Валентин Васильевич Михельсон. По должности первый секретарь обкома комсомола входил в состав бюро обкома партии и, естественно, располагал некоторой информацией о кадрах. Он в дороге доверительно мне сообщил, что в нашем институте меняется руководство. На должность директора (тогда – директор, а не ректор) рекомендован работающий директором Полоцкого пединститута Павел Елифанович Терентьев (Полоцкий пединститут, существовавший с 1953 г. 6 лет, в 1959 г. расформировался). П.Е. Терентьев переводился в наш институт вместе с рядом других преподавателей, в т.ч. Т.К. Короткиной (педагогика), потом она проректор института, некоторыми преподавателями математики, языка, физики.

А теперь шуточный вопрос: мог ли товарищ В.В. Михельсон предположить, что сидящий у него в машине молодой человек, без ученой степени и звания, работающий в институте простым преподавателем, всего через одно лицо после П.Е. Терентьева (имеется ввиду А.Р. Горбачев) тоже будет ректором – первым в истории Витебского педагогического института ректором с ученым званием профессор, а затем академик Международной академии, автором союзных учебников для школ и ВУЗов, первым ректором университета в Витебске, созданного (1995 г.) на базе педагогического института.

Примечание: Сейчас именем В.В. Михельсона названа улица в г.Витебске.

01.01.2013г.

Г.Витебск

10. Совсем немного о жене Елене Ивановне

Как много ей пришлось пережить в детстве во время войны, скитаясь по Щелбовским лесам и болотам, прячась в ледяной воде от немецких пуль. А потом болезни – тиф, какая-то «черная оспа», после которой мало кто выживал. И тут же – концентрационный лагерь. Потом – ранения на передовой, куда выгнали немцы население, прикрываясь от наступающей Красной Армии. Операция в полевом палаточном госпитале под разрывами снарядов. Зарубцевавшиеся раны остались у нее на всю жизнь, проявляясь время от времени на состоянии здоровья.

А детство без родителей – с заботой о младшем братишке? Отец бросил оставшиеся «крохи» семьи - двое выживших детей. Не понятно, чем он – партизан отряда им. Г.С.Курмелева, затем боец Красной Армии, руководствовался при этом? Искал лучшую жизнь, работу, женщину (жена же инвалид!)? Он женился вторично, жил в деревне где-то на границе Бешенковичского и Шумилинского районов, работал в колхозе, имел других детей, рано умер.

Елена Ивановна рассказывала, как однажды она с пятилетним братом пешком пошли в Бешенковичи искать отца. Нашли, но радушия встреча не принесла. Да и что мог детям дать отец кроме нескольких килограммов зерна, которые получал на трудодни? И они ушли уже по той стороне Двины, на станцию Старое Село, чтобы уехать в город не имея ни одного рубля на дорогу.

Где-то с 6-го класса стала работать техничкой в школе, хотя оформлена на работу была мама Ксения Семеновна.

Из дома инвалидов мама приехала с другим мужчиной, тоже инвалидом, с ампутированной ногой (говорил, что он инвалид труда). С ним было двое детей.

Этот человек по-разному относился к своим и приемным детям - т.е. детям Ксении Семеновны. Он был суровым, резким, грубым. Работал сапожником в артели. В минуты гнева не раз бросался с ножом на детей. Ксения Семеновна просила только : «Леша, Леша...» Этому был свидетелем потом и я, когда Лена уже училась в пединституте. Однажды мы, студенты, ночью разыскивали её

вдоль Двины, так как она получила плохую оценку по истории партии и боялась возвращаться домой. Поэтому одним из мотивов моей женитьбы на Лене было стремление помочь этой милой, красивой, умной девушке обрести хорошую семью, имея ввиду нашу семью – отец Никон Осипович, мать Варвара Тимофеевна, брат младший Коля и я.

Забегая вперед скажу, что отчим Елены Ивановны (Илья Григорьевич), если можно условно так его назвать, после нашей женитьбы очень изменился. Я из общежития перешел жить в эту семью и он с удовольствием принял меня. Вместе с Ксенией Семеновной помогал нам с Леной материально. Мы определили на учебу мальчишек – Петра и Василия, получивших потом образование и ставших хорошими специалистами. И сегодня в одной ограде на кладбище «Мазурино» находятся рядом могилы Ксении Семеновны, Ильи Григорьевича (в семье его звали Леша) и Петра.

Елена Ивановна очень неохотно рассказывала о своих мучительных детских годах. Никаких записок, рассказов о лагере она не оставила. Вот её скромное, практически официальное, воспоминание о том времени. Его она продиктовала, будучи тяжело больной, по моей просьбе на случай предоставления в архив, музей и пр. Итак текст.

«Виноградова (Розвинова) Елена Ивановна

Несовершеннолетний узник.

Удостоверение: серия М, №023420, выдано Октябрьским райисобесом г.Витебска 11 сентября 1992 года.

Некоторые сведения из автобиографии

Дата и место рождения – 27 декабря 1933 года, д. Мозганы Витебского (ранее Суражского) района, но и год рождения (возможен 1934 или 1935) и место – не точные: так записала мама.

Отец – Розвинов Иван Карпович, мать – Ксения Семеновна (в девичестве Ломоносова). Её отец Семен Тимофеевич (мой дедушка) был осужден в 1932 году (см. книгу «Память» Витебского района), стр. 190, реабилитирован в 1989 году. В семье нас росло семеро детей.

Во время ВОВ отец, как и другие родственники, например, братья мамы Иван (командир партизанского отряда), Тимофей (погиб в 1943 г.) воевали в составе отрядов, действовавших на территории Суражского и других районов.

Немцы боялись партизан, несколько раз проводили против партизан и мирного населения карательные операции. От немцев мы прятались в глубине Щелбовского леса, в болотах. Четверо детей из нашей семьи умерли во время таких скитаний, я переболела тифом.

Во время одной из карательных операций после сожжения деревни Мозганы немцы перегнали нас в Сураж. Закрыли на замок в один из сараев и подготовили к поджогу, даже облили сарай бензином. Но по какой-то причине не подожгли. Так прошла ночь, а утром всех погнали пешком в Витебск.

В Витебске нас бросили в концентрационный лагерь, называвшийся «5 полк». Родственники нашей семьи оказались в разных бараках. Как стало известно уже после войны, их отправили потом в Германию (лагерь Освенцим и др. – в книгах Л.С. Аникеева об этом говорится). Мы – мама, бабушка, я, братик и сестричка были в лагере «5 полк».

Лагерная жизнь заключенных, в том числе и по 5 полку, описывалась неоднократно. Мне трудно ворошить измученную и израненную в детстве душу.

Осенью (это был 1943 год) нас и других узников погнали в сторону приближавшейся линии фронта, где потом использовали как «живой щит» для прикрытия отступающих немцев. Так мы оказались в д. Синебрюхи (теперь Березняки) Городокского района. Мама, я и брат Петя были ранены (мама осталась без ноги, брат стал инвалидом). Сестричка потерялась где-то, и мы её так и не нашли совсем.

После освобождения территории Красной Армией я и брат через эвакогоспиталь были направлены в Калининский (теперь г. Тверь) детский дом, мама – госпиталь г. Иваново. Из г.Калинина через некоторое время нас перевели в Великие Луки – ближе к Белоруссии, откуда нас потом забрал возвратившийся из армии отец. Он перевез нас с братом в Витебск в детский дом в районе Лучесы.

Отец не пожелал жить с женой-инвалидом, уехал на район, где обрел другую семью. В детском доме мы находились около двух лет, пока нас не нашла и не взяла мама.

В Витебске до получения удовлетворительного жилья размещались в землянке, потом в развалинах церкви около 10-ой средней школы. После окончания школы училась в педагогическом институте (специальность – физика), работала в 6-й, после - в 11-й средней школе, пока не открылись мои старые военные раны и лагерные болезни. До ухода на пенсию была заведующей учебными лабораториями в педагогическом институте.

Р.С. Материальную помощь от Германии, как узница, не получала. Почему? Говорят, что свидетели назвали месяц поступления меня в концлагерь один, а я – другой. Откуда мне, деревенской девочке, было знать месяц, если в школу я пошла уже после войны во время нахождения в детдоме в Великих Луках. Я и названия месяцев тогда ещё не знала.

20 сентября 2013 г.

г.Витебск

(Розвинова)»

Е.И. Виноградова

А жизнь преподносила моей Елене Ивановне свои «сюрпризы». Дважды - выкидыши, один из них - в деревне (будка 515 км.), где она была без меня. Отец, Никон Осипович, где-то раздобыл лошадь и повез Лену в больницу в д. Кузьмино (5км.). Но там кроме медицинской сестры (и то без образования) никого из врачей не оказалось. И тогда он повез Лену в г.п. Езерище в районную больницу (20 км.). В результате она потеряла много крови. А как она, неопытная женщина, представляла свое состояние, пока была в такой дороге? В больнице ее лечила врач Галина Николаевна (в газете «Витебский рабочий» от 11.06.1961г. об этом была заметка).

В начале 70-х годов я «привез» из Москвы грипп. Через несколько дней заболела и Лена, а после – осложнение: арахноидит (воспаление паутинной оболочки мозга). Проявились и другие «сюрпризы», в т.ч. сердечные – недостаточность митрального клапана (возможно врожденный?).

Елена Ивановна мужественно сражалась с болезнями. В школе и в институте она занималась спортивной гимнастикой, выступала на соревнованиях, имела разряды и звания (а ведь сердце-то (?) было с пороком). Спортивная подготовка помогла ей бороться с недугами. Над нами шефствовали наши хорошие семейные друзья – И.Н. и К.С. Азарёнки, ученые мединститута (Сосновик, Свирская и др.). Но силы Елены Ивановны таяли и мне сказали готовиться к худшему. Об этом узнала как-то и сама Елена Ивановна. Каково ей было?

И тогда так называемой спецполиклиникой (я работал проректором института и обслуживался ею) было решено прикрепить для наблюдения за Еленой Ивановной и лечением её в областной больнице (размещалась на пр. Фрунзе) врача Власову Антонину Михайловну. Ей выделили машину и она повезла Елену Ивановну в Минск на консультацию к И.П. Антонову, белорусскому невропатологу, директору научно – исследовательского института неврологии и физиотерапии (он из Суражских мест, земляк Елены Ивановны – впоследствии Народный врач Беларуси, Почетный гражданин г. Витебска и пр.). По возвращении из Минска А.М. Власову командировали в Москву за лекарствами. В Москве ей помогал искать лекарства родной брат Гусев (он работал в ЦК (!) КПСС).

По приезде из Москвы – вновь Минск. И болезнь... отступила. Помогло потом и санаторное лечение на курорте Друскенинкой в Литве. Правда, школу пришлось потом оставить, хотя учительницей она была хорошей.

Кстати, Антонина Михайловна проживала до последних своих дней в д. 12 по улице Шрадера, куда в 1981 г. в дом №14 переселились и мы. Сын доктора учился в СШ №6 г. Витебска, в классе, где была классным руководителем Елена Ивановна.

Но биологическая действительность такова, что за нашей жизнью постоянно охотятся алчные болезни. Они догоняют нас, вторгаются в наш организм, мешают жить, работать, любить.

Так, к сожалению, произошло и с Еленой Ивановной. В 2001 году у неё перитонит, операция, и как последствие - грыжа, которая не позволяла ей в полную работу, заниматься домашними делами, дачей и пр.

В 2007 г. – после падения на льду – перелом шейки бедра. Два месяца на вытяжке в больнице, два – домашний постельный режим – без движения. Результат? Стала на ноги, выходила на улицу, выезжала на дачу. А в 2010 году вновь беда – остеопороз позвоночника (три разрушившихся позвонка), практически потеря всех двигательных функций организма.

И вот... 2015 год – 22 февраля: крупноочаговый инфаркт миокарда, осложненный рядом других заболеваний – фибрилляция, блокада, стеноз, атеросклероз (в т.ч. мозговых! артерий – всплыл арахноидит, 70-ые годы) и пр. А 24 марта нашей Елены Ивановны не стало. После инфаркта она прожила четыре с лишним недели. И в этом ей помогли годы, когда она занималась спортом. Такое заключение, сделал участковый врач А.Н. Камеко.

И я прошу наших детей, внуков – не обижаться на свою маму и бабушку, если она была в чем-то несправедлива, как считали вы. Помните, какую сложную жизнь прошла она за 81 год, помогла вам, как говорится, стать на ноги, войти в самостоятельную жизнь, найти себя в обществе.

И для справки. Мама Елены Ивановны прожила 83 года по возможности сохраняя физическую активность, передвигаясь на костылях. Умерла в связи с инфарктом, прожив в кардиологическом диспансере после случившегося лишь несколько часов.

— • —

И вновь я о Елене Ивановне. Так я уважительно называл (и называю сейчас) её в разговоре с другими собеседниками. В молодости я её называл не только «Лена», но и «Ленок».

Сегодня 24 апреля 2015 года ровно месяц как нет её среди нас. Мне очень жаль её, и я не верю, что она (не могу произнести это слово) умерла – кажется, что она на лечении в больнице. И мне хочется ей многое рассказать, поделиться с ней новостями, спросить совета. Ведь прожили с ней вместе почти 60 лет (без 3-х месяцев). А познакомились мы раньше - в 1953г. И произошло это так.

Я был зачислен в институт позже установленного срока (см. справку). И в октябре месяце я пришел в аудиторию №317 в здании на ул. Пушкина на первую лекцию. Это была лекция по аналитической геометрии преподавателя Кобрин М.М. Впереди, в первом ряду перед доской, за столом сидела студентка в темно-синей спортивной мастерке. Второе место пустое. Я спросил: «Свободно?» Она ответила: «Да». Ну я и сел. И «сел» на 60 с лишним лет.

Соседство оказалось очень кстати. Я имел неудовлетворительную подготовку по математике в семилетней школе (не было учителя математики – уроки вела выпускница педучилища). И если я какую-то задачу не мог решить, значит класс оставался без её решения. В художественно-графическом училище математика была, но в незначительном объеме. И пока студенты были в колхозе в октябре месяце (в сентябре они были на занятиях и уже прослушали ряд лекций) я пытался переписать их конспекты и разобраться в формулах. Обратился в комитет комсомола, чтобы мне дали студентку-старшекурсницу для занятий. Мне рекомендовали студентку Титову Н.И. – впоследствии она заведующая учебно-консультационным пунктом института, строгая Надежда Ивановна, но уже с фамилией Кушнерчук. Дали адрес студентки первого курса Виноградовой Екатерины (жила в землянке на улице им. Стеклова, где сейчас ул. Гоголя). Она не была в колхозе и у неё я взял конспекты. С трудом воспринимал тему «Пределы», назначение математических формул, символов и др.

И вот встреча на лекции со студенткой Розвиновой (заведующий кафедрой физкультуры Птицын Г.И., под руководством которого она тренировалась, называл её Розвiнова, делая ударение на втором слоге). Оказалось, что она имеет отличные знания по математике. Она училась в СШ №10, где математику вела известная в Беларуси учительница Блау А.Г. И Лена согласилась мне помочь. Поэтому уже в 1953 году я стал бывать у них дома, вместе готовились в библиотеке. Аналитическую геометрию на экзамене сдал на «хорошо», а математический анализ – на отлично. И сейчас я представляю

теоремы Лагранжа, Коши и другое, хотя мне математику преподавать не пришлось.

А в 1955 году решили пожениться. Не то что с большого согласия моих родителей, но... 16 июля мы пришли в ЗАГС (комната в здании горисполкома по улице Ленина, сейчас это дом №15). Просим: зарегистрируйте нас. «Как?» - говорит заведующая бюро – «Нужно писать заявление, ждать срок, а потом...». Мы же начали просить. И то ли заведующая оказалась землячкой, то ли так хорошей женщиной: «Ладно, - говорит. -Давайте». И нам выдала свидетельство о браке.

И ни каких тебе колец, марша, цветов, шампанского, стола и пр.

Стали мы с Еленой, как говорится в сказке, жить-поживать да добро наживать, детей годовать (а потом и внуков).

Правда, позже Ксения Семеновна (то бишь теща) пригласила некоторых своих двоюродных родственников в гости, чтобы показать им зятя (у отчима, т.е. у Ильи Григорьевича родственников не было).

В деревне такие гости были проведены тоже, но уже в 1956году где-то по весне. Там родственникам показывали невесту (см. фото в альбоме №1)

А сегодня горечь утраты Елены Ивановны искренне разделяют с нами и наши соседи - Лариса Павловна и Василий Кириллович Антоновы. Божественные люди, пережившие сами потерю дорогих им лиц, они стали для нас за годы проживания на одной лестничной площадке родными и близкими людьми. Нам было бы очень тяжело переносить без них болезни Елены Ивановны и её уход. Так пусть хранит их Господь за все их хорошее.

11. Орша... Не состоявшийся брак?

В трудовой книжке моей значится запись от 13.07.1953г.: « на работу в школу №3 г. Орша». Орша? В связи с чем?

А история такова. Согласно существующего тогда положения о средних специальных учебных заведениях (техникум, училище и пр.) все его выпускники направлялись на работу. И лишь пяти процентам выпуска учебное заведение имело право разрешить

поступать на дневное отделение ВУЗов. В такие 5%, как отличник по диплому, был включен и я.

Возник вопрос – куда поступать? По профилю училища в Беларуси ВУЗов не было. И я избрал себе специальность «история КПСС». Я завидовал историкам – как много они знают. Вместе со своим сокурсником (парень из д. Старое Село – недалеко от Витебска) решили поступать в МГУ (Московский госуниверситет) – там была такая специальность. Однако это можно было сделать только в следующем году.

И я решил приступить к работе в школе. А поскольку место, где я работал, когда учился, в СШ №25, было уже занято, облОНО меня перевело в Оршу – в СШ №3. Я съездил в Оршу, определился в ГорОНО с нагрузкой (в этой и еще в одной – семилетней школе) и уехал в деревню (ж.д. будка 515 км.).

Мысль об исторической специальности меня будоражила. Я даже из деревни написал в горком партии в Оршу: есть ли у них вечерний университет марксизма-ленинизма? Ответ: есть. Думал что-нибудь буду изучать там.

Но... неожиданно в мою судьбу вмешался Гомель. В газете «Правда» я прочёл информацию, что в связи с реорганизацией управлений железных дорог в Белоруссии в Гомеле освобождавшуюся материальную базу отдают вновь создаваемому институту – БИИЖТ. И запылала моя душа. И... «по боку» Орша. Вот такая быстротечная была моя любовь с Оршей.

Еду в Гомель. Через родственников одной из своих сокурсниц с помощью секретаря парткома Витебского железнодорожного узла Окорокова Е.М. мне достали билет на поезд, буквально втолкнули в вагон (так много было пассажиров) и... наутро я в Гомеле.

БИИЖТ: три факультета – эксплуатационный, механический и строительный. Конечно эксплуатационный, тут я много чего знал, живя в железнодорожной будке. Но на медкомиссии мне «рубанули» по очам: по зрению не прохожу. В училище рисовал натюрморты, писал пейзажи и пр. – на зрение не жаловался. И тут... Предложили строительный. Согласился и поехал к отцу в его железнодорожную будку на 515 км. отдыхать до начала учебы в институте.

А дальше? А дальше, как описано в первой автобиографической справке...

А теперь пишу я эти строки... и думаю: ну, а если бы из БИИЖТа меня не вытолкнули? Каким бы прорабом я стал?

В пединституте, видимо, рано проявились мои какие-то педагогические склонности. Так, уже на втором курсе, на пассивной педагогической практике в СШ №3 руководитель И.С. Матлина (жена зав. кафедрой педагогики и психологии), показывая на меня, говорит студентам: «А это будущий директор школы» (кстати: в СШ №3 я, когда учился в училище, давал свой первый урок по рисованию у учителя М.М. Журавкова).

И так: Директор? Прораб? Инженер-строитель? И т.п. В БИИЖТе Елены Ивановны не было. Не было, и в Орше. И не будь её в Витебске, не было бы нашей совместной жизни длиною в 60 лет. Так что, спасибо тебе Елена Ивановна, за свободное место на лекции, на которое я сел рядом с тобой, и, к счастью, не «в лужу».

15.05.2015г.

Некоторые дополнительные сведения

1. Варховская НСШ (семилетняя) – директор Соснер Петр Михайлович (участник и инвалид войны).
2. Кузьминская НСШ – директор Желнеровский Владимир Юльянович; учителя А.Ф. Терехов, Е.И. Козлова, Романовская, Г. Окунев, З. Абарбанель.
3. С учителем А.В. Мельниковым познакомился не в школе, а в сельсовете. После занятий, идя домой, я заходил часто в сельсовет, где у секретаря сельсовета И.В. Буйнякова учился играть в шахматы. В Витебске с А.В. Мельниковым встречался по его просьбе уже когда работал проректором института.
4. Солохо А.Н., другие преподаватели училища: см. работу - В.Н. Виноградов, Е.Т. Жукова «Витебское художественно-графическое педагогическое училище», Витебск 2005г. С 1969г. с А.Н. Солохо жили в одном доме – Московский пр. 7.
5. Юрий Антонович Леонёнок, известный учитель и директор школы, с 1969 г. жили в одном доме по Московскому пр. 7 (Елена Ивановна работала в школе №6 вместе с дочерью Юрия Антоновича М.Г. Кругановой).
6. В письме обкома партии на имя П.Е. Медведева о моём зачислении в институт говорилось: «согласно распоряжения секретаря обкома тов. Короткина отдел просит принять т. Виноградова во вверенный Вам институт». 29 сентября 1953 г.
7. Павел Емельянович Медведев – директор пединститута, потом – заведующий кафедрой основ производства, на которой я работал в 1957-59 гг. до создания художественно-графического факультета. В 1958 г. в связи с рождением сына Сережи я пригласил Павла Емельяновича и его супругу, директора мединститута Глафиру Антоновну, в гости. И вот два директора идут к простому ассистенту поздравить семью. Вот это

демократия! Кстати, Лена рассказывала, что она знала по 10-ой школе дочерей Медведевых: Майю (она потом работала в мединституте), Римму (работала у нас).

8. Одной из причин моего нежелания вернуться на учебу в БИИЖТ после восстановления было знакомство (и дальнейшая дружба) со студенткой – сокурсницей Еленой Розвиновой. А это – судьба! А теперь еще один судьбоносный случай. В 1981 г. мы переехали в дом по ул. Шрадера. На одной лестничной площадке с нами оказалась семья Антоновых Л.П. и В.К. – выпускники БИИЖТа. С тех пор мы и дружим – пединститут и БИИЖТ. Но... и на Московском пр. мы жили в одном доме - №7, только в разных подъездах.
9. Сообщение о том, что П.Е. Медведева сменяет новый директор института – П.Ф. Грук – я узнал по секрету от жены П.Ф. – Ф.В. Матюковой, преподавателя кафедры марксизма-ленинизма. На партийных собраниях в 310 аудитории мы сидели с ней, как правило, за одной партией.
10. Владимир Васильевич Селицкий. Вот совпадения! Он оказался в 1975 г. соседом по даче в Улановичах, участок который мы купили у бывшего секретаря парткома института.
11. Василий Дмитриевич Чистяков, доцент, участник войны (в том числе в боях за Сталинград), автор многих изданий для учителей по истории математики (практически они все у меня есть с дарственными подписями). Эти работы явились хорошей школой для меня в подготовке пособий по методике преподавания черчения.
12. Владимир Осипович Гордон, автор (вместе с Семеновым – Огиевским) ещё довоенного курса начертательной геометрии для студентов технических ВУЗов (он издается и сейчас). Во время моей параллельной работы в институте и в школе (№2), где родились мои многие методические работы для учителя, Владимир Осипович прислал мне свое фото для стенда.

А на совете, когда я защищал диссертацию, Владимир Осипович спросил у С.И. Дембинского: «А Виноградова – жена Виноградова?» (он имел ввиду Г.Г. Виноградову, инспектора МП СССР). На что С.И. ответил: «Да, жена, но не того Виноградова, которого Вы знаете – имея ввиду меня, - а Виноградова – художника». Для меня это было как похвала.

13. В Минске на собеседовании. Оно проводилось в ЦК партии (в т.ч. с зав. отделом, секретарем ЦК по идеологии – А.Т. Кузьмин и др.). П. М. Машерова не было – с ним я встречался позже – на бюро, когда меня утверждали в должности, на приеме у него и другие случаи. Второй секретарь ЦК А.Н. Аксёнов сказал так : «Я его знаю. Работая секретарем Витебского обкома, я рекомендовал его проректором института. Готовьте документы в Москву».

Секретарь ЦК А.Т. Кузьмин обратил мое внимание на то, что многие учителя нецензурно выражаются и привел примеры. Просил учесть это в воспитательной работе со студентами.

14. В Министерстве просвещения СССР (Москва) министра не было (с ним я познакомился потом – на коллегии, в Президиуме Всесоюзного общества «Знание»). Со мной должен был беседовать первый заместитель министра Ф. Паначин. Своеобразный человек. Про него шутили так: «Наш путь к победе обозначен, когда ведет нас Ф. Паначин». И хотя в Министерстве говорили: « Надо же – учитель рисования и черчения и... профессор, заслуженный работник образования, автор союзного учебника». И в тоже время предупреждали: «Не волнуйтесь, сейчас у Паначина хорошее настроение».

Примечание. На момент присвоения мне учёного звания профессора в ВУЗах СССР по начертательной геометрии работало только 6 профессоров, в т.ч. В.О. Гордон.

15. На беседе в Министерстве высшего и среднего специального образования зам. Министра А.П. Шапочникова начала разговор с упрёка: «была на экскурсии в Пскове и Полоцке, в столовой Полоцка – грязные ложки, все впечатления испортились». И эта

фраза о ложках – не шутка. Руководитель ВУЗа в регионе пользовался большим авторитетом, а значит нес и ответственность за образование, культуру и пр. Я сказал, что передам это руководству Полоцкого треста столовых. Кстати, несколько лет спустя я ехал из Пскова в Витебск. В городах Опочка и Себеж в столовых для кушанья котлет подавали только... ложки.

16. Анна Григорьевна Блау – заслуженная учительница БССР. Вообще Сталинская средняя школа №10 была одной из лучших в Витебске. Для Елены Ивановны она была памятной так же ещё и дружбой с одноклассницами. Она дружила в школе, а потом и в ВУЗе, с дочерью секретаря обкома партии Короткина (бывала часто у них дома), с будущей (второй) женой народного артиста Ф.И. Шмакова, женой витебского поэта Д.Г. Симановича, будущим партийным работникам Г.С. Гужвой и др.

Во время учебы в училище я проходил в школе №10 педпрактику по черчению в 1950-52 гг. у заслуженного учителя А.Н. Галкина. Елена Ивановна в это время училась в одном из старших классов. Потом я спрашивал: «Может помнишь – давал ли я уроки в вашем классе?» Говорила: «Не помню»(может, шутила?).

17. Леонид Степанович Аникеев – мой земляк с д. Быки, в Кузьминской НСШ 2 года сидели за одной партой, автор книг «Судите сами» и «Тайна фашистских концлагерей». Сейчас он писатель, москвич, меценат, учредитель газеты «Торговый дом» и пр.

18. Биографические данные, международные оценки, список публикаций (учебники, пособия, статьи и пр.) даны в библиографическом справочнике, 2-ое издание, ВГУ им. П.М. Машерова, 2007г. стр.60.

1 июня 2015г.

г. Витебск

рукописи.

На правах

Виктор Виноградов:

РЕКТОР ВИТЕБСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Виктор Никоневич Виноградов родился и вырос в Городокском районе в семье железнодорожников. В 1953 г. окончил витебское художественно-графическое училище, затем физико-математический факультет Витебского педагогического института. С 1957 года — преподаватель черчения, изобразительного искусства, начертательной геометрии этого вуза. Позже заведующий кафедрой, оркестрор и около 20 лет ректор.

С 1961 года — член Союза журналистов. Автор многочисленных публикаций по проблемам эстетического воспитания в высшей и средней школе. В свое время вел одну из рубрик на Витебском телевидении. В педагогической среде бывшего СССР и за рубежом известен как ученый-график. Первая книга В. Виноградова издана в 1961 г. в Москве. Вместе с газетными статьями список его методических пособий, программ, учебников включает свыше 650 наименований.

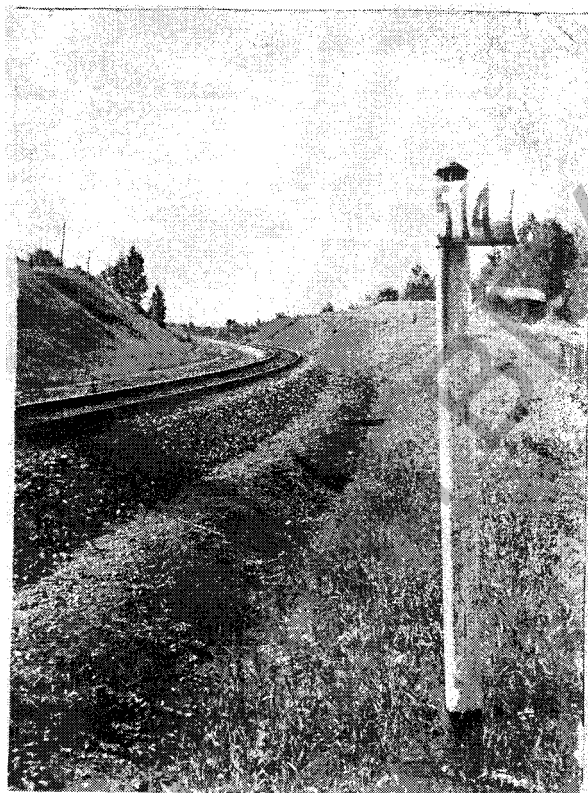
Несколько поколений школьников учатся по учебнику "Черчение" Виктора Никоневича. В. Виноградов — единственный из белорусов, ставший автором союзного учебника, издаваемого на 19 языках. "Черчение" и сегодня выходит в Москве для школ России. Студентам вузов хорошо известна "Начертательная геометрия витебского

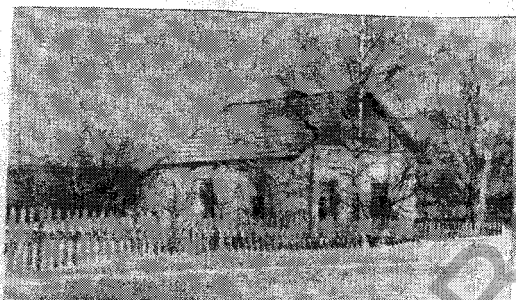
ГАЗЕТА "НАРОДНЫЕ СЛОВА" ЛПЕНЬ, 29, 1997

автора, издаваемая в Минске и Москве. В этом году издательство "Народная газета" для школ Беларуси выпускает его новую работу "Техническая графика".

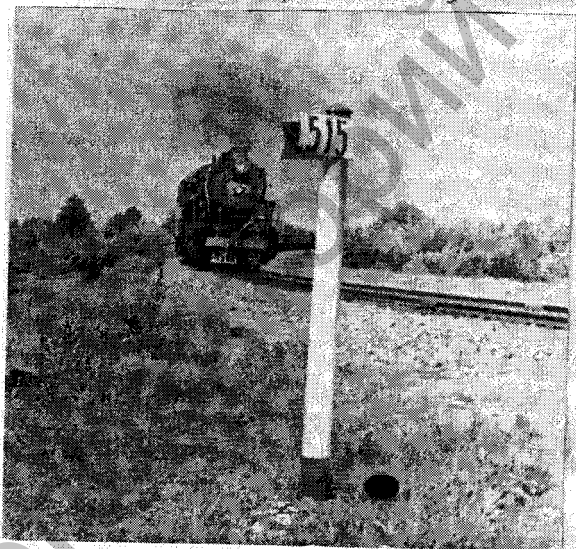
В. Виноградов — доктор педагогических наук, профессор, действительный член ряда академий, заслуженный работник высшей школы.

Вид на выемку 515 км (от столба
514/515 км)

Железно-дорожная Будка 515 км

12. Новое о бабушке Анастасии

Недалеко от нашей деревни и будки была деревня Хотешино. Туда я ходил в начальную школу.

В этой деревне жили несколько братьев по фамилии Хольные. Из разговоров мы слышали, что из этой деревни была и моя бабушка Анастасия и, что она сестра этих братьев.

Однако недавно Мария Тимофеевна, дочь одного из братьев Хольных, сказала мне, что это не так.

Что же здесь не так?

Семья, в которой рос её отец, была многодетной. Но в ней рождались только мальчики. Вот их имена: Прокоп, Стахван, Харитон, Никифор, Тимофей. И тогда отец этих ребят Егор решил удочерить какую-нибудь девочку. Выбор пал на Настю (Настасья её звали) по фамилии Чернова из соседней деревни Сахоново. После удочерения он дал ей свою фамилию (Хольная) и отчество (Егоровна). Это происходило, наверное, в 1870-75 г.г., т.е. в 19 веке. Жену Егора звали Харита.

Когда Настя выросла, её выдали замуж за Тимофеева Тимофея Макеевича (фамилия его, возможно, тогда была другая). В их семье родилось и выросло 8 детей, в том числе и наша с братом Колей мама – Варвара Тимофеевна (1910г. рожд.). Так удочерённая когда-то девочка стала матерью нашей мамы, а для нас - бабушкой.

В 1956г. мы с Еленой Ивановной (после женитьбы в 1955г.) навестили её в д.Поздняково, где она жила у сына Тракима. В это время бабушка уже ничего не видела. Но меня она узнала по голосу, хотя после войны я с ней, наверное, не виделся.

Сколько она прожила? Более 80 лет. Дедушка Тимофей умер раньше годов на десять.

Бабушка была доброй, ласковой. Я жил у них в деревне подолгу (это в 7 км от нашей будки и в мои 4-5 лет). Дедушка был строгий, требовательный, очень верующий. Однажды он был на «хозяйках» у нас в будке, когда отец с матерью ездили в Ленинград. Я его как-то ослушался, назвал Макеем. Он обиделся и рассказал об этом маме, когда они приехали.

Находясь у них в деревне, я иногда скучал по дому. Тогда я выходил на край деревни на более высокое место и смотрел на

запад, где проходила железная дорога. Когда там шел поезд, то был видел дым, идущий из трубы паровоза. И это меня успокаивало.

Кстати, как я узнал теперь, это место является одним из высоких на Городокской возвышенности-252м.(из 263 максимальных) над уровнем моря. Здесь стоял триангуляционный геодезический знак. Мы его называли «маяком». Такой знак был в д. Хотешино (247 м). Наша будка стояла на уровне 220м.

P.S. Мария Тимофеевна Хольная (теперь Павловская) рассказывала и о таком интересном факте о семье её отца, где и жила удочеренная девочка Настя. Когда приходило время женить кого-то из сыновей, ему необходимо было дать надел земли. Такой надел дали лишь старшему – Прокопу. Других расселили на хутора, дав непахотную землю, один из них уехал в Сибирь.*)

Подобную ситуацию описывала лет 7 назад в газете «Беларусь сегодня»(СБ) одна из женщин, чей отец вырос в д. Казуси, что в километре от д. Блохи, а потом уехал в Сибирь. В тогдашней семье из 4-х сыновей земли было лишь на двоих.

Кто-то из «сибирских Виноградовых» приехал в начале 50-х годов к нам в деревню. Помню пас утром корову в поле. Пришел домой перекусить, а мама (она топила печь) говорит: «У нас гость». В Сибирь он потом не уехал. Устроился в Витебске на работу на кирпичном заводе №32, женился. Писал некоторые поэтические вещи. Мне дал такое напутствие: «А ты, братишка, еще молод. Твоя ^{вся} жизнь впереди. Переноси и жар, и холод, но жизнь младую береги»... и т.д.

Дальнейшая судьба этого «сибиряка» мне не известна.

Вот такие ассоциации родила у меня новая информация о жизни моей родной и доброй бабушки Анастасии Егоровны.

А вот еще один случай моей детской тоски по дому, когда был у родственников.

Недалеко от нас (в 2-х км) в д. Яночки (на карте – Сев. Таборище) проживала семья маминой сестры (тетка, как мы её называли) Марьи. У неё было две дочери – Нина и Зоя – обе значительно старше меня. Я любил у них оставаться, иногда на несколько дней. Мне нравилось смотреть вечером на восток за деревню Хотешино. Там было шоссе и по ней двигались «огоньки» - проходили автомашины.

**) В Сибирь в поисках земли выехал и один из братьев дедушки Осипа из деревни Блохи.*

Во второй хате у тетки стояли красны (она что-то на них ткала). Был полог, в нем можно было, прятаясь от мух, спать днем. У девочек были красиво разрисованные альбомы, со стихами, изречениями и пр.

Но когда я скучал, я выходил на завалику, смотрел через кусты в сторону железной дороги. Отсюда не только виден был дым паровоза, но и слышны его сигналы (свистки), а иногда и стук колес.

Но однажды поздно вечером я справил гвалт – хочу домой. Ничего не помогало. Пришлось Нине сажать меня на плечи и через кусты (было страшно, ведь уже ночь) нести меня домой. И чего я тогда раскапризничался?

13. Поездки в город Невель

Живя в деревне, мы рано привыкали к физической работе, к помощи семье по хозяйству. Помню наш разговор с бабушкой Татюхой, она жила в нашей деревне Блохи. Сидя с ней на печке я спросил её: «почему дети летом не ходят в школу?» «Летом детям надо коров в поле гнать-пасти» - ответила она.

Действительно, сельские дети рано становились взрослыми. И сегодня я удивляюсь, что где-то в 5-6 лет я мог ходить самостоятельно в ту или иную деревню, причем – порой в отсутствии дорог-по тропинкам. Кого боялись? До войны – волков, после войны, как говорили – «немцев».

Помню случай (но это где-то лет в одиннадцать) я пошел за малиной с оцинкованным тяжёлым ведром к деревне Поздняково (родина мамы: я знал там места, а это километров шесть). Там попал под дождь. Домой принес не ягоду, а компот. Но... сходил.

А вот примеры моей поездки, и неоднократной, в город Невель (это уже в 12 лет). Зачем? На рынок, что-то продать, что-то купить. Однажды попало купить овса, только в очереди пришлось долго стоять.

На чем ездил? Туда – грузовым поездом. Садись в будку на ходу, взбираешься на платформу с углём и... поехал.

Оттуда? Грузовые поезда около нас шли с большой скоростью, на ходу не прыгнешь. Приходилось сходить на той станции, где останавливался поезд и ждать пригородного, чтобы доехать до станции Бычиха (7,5 км от нас) или Росляки (3,5 км).

И, конечно, без билета, на подножке вагона. Смотришь только, чтобы ревизор или проводник тебя не заметили. Сидишь уже на ходу. Крепко хватаешься за поручни и... с ветерком. А на билет денег не хватало.

Иногда попадались ревизору. Тогда он открывал дверь вагона, втаскивал тебя в тамбур и... иногда тумачков давал, иногда высаживал на очередной станции. Плачешь, просишь...

Но зимой в Невель не поедешь, ездил в Городок. Поезд приходил до 7 часов утра. Ну и слоняешься, пока станет светло и начнет работать базар. В 7 часов включали радио на столбе и инструктор по фамилии Гордеев из Москвы начинал проводить с радиослушателями зарядку.

Через некоторое время выходит хозяин одного из близлежащих домов, открывает ставни. В Городке начинается день. Как я ему завидовал тогда...

Что продавал? Один раз, помню, отцу дали паёк и там было четыре с половиной пряника. Половинку пряника мы с братом Колей съели, а четыре – продал. Собирали деньги на корову.

14. Первый раз в Витебске

Мама, Варвара Тимофеевна, говорила, что мне было 3 года, когда мы были в ту пору в Витебске. Я помню некоторые моменты той поездки.

Во-первых, мы тогда фотографировались (см. фото в альбоме). Фотография находилась на улице Замковой. Салон фотографии размещался на втором этаже. На первом – продавали мороженое. Его клали в форму, напоминавшую мне баночку от гуталина (ваксы). Снизу и сверху прикладывали бумажные «кружки» и выталкивали толкателем из этой формы. Мне купили такое мороженое.

Сейчас говорят, что это была весьма известная фотография в городе.

Во-вторых, мы посетили проживавшую в городе в частной квартире на Песковатике семью тетки Женьки, сестры матери. Оттуда шли пешком на вокзал. Из улиц, по которым шли, я запомнил Толстого – первым дом справа, ворота во двор, гора за воротами (что на улице Крылова).

Помню здание вокзала, остеклённый на уровне второго этажа переход на платформу.

Когда ехали в поезде домой, меня в вагоне посадили на столик, чтобы я мог хорошо видеть из окна. Однако проводница, проходя по вагону, сделала нам замечание: «Люди за столом едят, хлеб ложат, а вы мальчика на стол посадили. Снимите». Пришлось слезить.

Вторая поездка была уже после войны. Мы приезжали с отцом. В Витебск ехали на пригородном поезде, в обратную – на грузовом (называли «товарным»). Садилась мы на такой поезд где-то за паровозным делом в железнодорожном парке.

С поезда с подножки тормозной площадки соскакивали на ходу – поезд на подъеме около нашей будки шел медленно.

15. Виноградовы в деревне...

На географических картах Витебской области (тогда губернии) середины 19 века (например, на картах 1860-х лет – их несколько) значится деревня Блохи, состоящая из 4-х дворов. На картах начала 20 века указано, что деревня Блохи состоит из 7(!) дворов. Такой помню деревню и я в детстве в конце 30-х годов.

Какие здесь возникают предположения? Что характерно для истории деревни?

В западной части деревенской улицы располагались четыре двора – рядом с колодцем и небольшим водоёмом (его называли лункой). Здесь проживали семьи Тягуновых и Скуратовых. На восточной части улицы с небольшим отрывом от них находились еще три двора – здесь жили братья Виноградовы – Осип, Иван, Василь. Итак, всего семь дворов. Вполне возможно, что последние появились после создания карты 1860 года.

Отец мой неоднократно рассказывал о своем детстве, проходившем именно в деревне Блохи - а он 1903 года рождения.

Следовательно, эти три двора могли возникнуть в 19 веке (а может быть и раньше) в связи с поселением прибывших откуда-то в деревню Блохи семьи или одного кого-то из Виноградовых.

Итак, Виноградовы в д. Блохи. Откуда? К сожалению, я эти обстоятельства не изучал, как и то – сколько Виноградовых проживает в Витебске, в сельской местности, кто они и прочее.

«Белорусская энциклопедия» том 4 (1997г.) называет 10 лиц с фамилией «Виноградов», у них лишь один Виноградов из Беларуси – имеется ввиду моя фамилия. В числе приведенных лиц названы известные ученые – математик, языковед, психиатр (работавший, кстати, в Витебске в 1948г.), геохимик, дирижёр и другие. Они, как и другие известные личности, сведения о которых приведены в энциклопедических изданиях или, например, в «Советском энциклопедическом словаре» (Москва, 1987г.) – 17 фамилий – являются уроженцами ряда областей России, Москвы, Санкт-Петербурга и других мест.

В энциклопедии «Кто есть Кто в Республике Беларусь. Деловой мир СНГ» Выпуск 3, Минск, 2006г. названо три фамилии Виноградовых. Они уроженцы: г. Алма-Ата; Приморский край; и... д.Замосточье Городокского района Витебской области (имеется ввиду Виноградов В.Н.)

В Витебске? Телефонный справочник «Контакт!» (2001 г.) называет 160 абонентов по фамилии «Виноградов» или «Виноградова». Как видно, здесь фамилию редкой не назовешь по сравнению с другими, например, фамилией «Ломоносов» (14 абонентов). Почему Ломоносов? Эта фамилия и дедушки Елены Ивановны – Семена Тимофеевича (рожден 1863г.) – отца её матери (Ксении Семеновны)(см. книгу «Память. Витебский район» Минск, 2004г., стр.190). Семья в то время проживала в Витебском районе.

В г. Городке три абонента имеют фамилию «Виноградов» («Виноградова») и три – на селе, в том числе жена моего двоюродного брата Ивана (д. Вархи).

16. А столбы говорят?

Как-то среди белорусских литературных юморесок мне встретила притча о пне. Да, да, о пне. «Вось, скажам, пень. Усе

дрэвы паглядаюць на яго звысоку. А ён і не пнецца ўгару, каб з імі зраўняцца. Ці ліпень, ці кіпень, ці хліпень ён нерухомы, ён – дрэва на пенсіі. Ён адмежаваны ад вышыні, ўпэўнены ў сабе, ні перад кім не гне спіну і ў сваіх пенатах ён – пан».

Это – шутка, оставим её пню. А о чем мог бы рассказать столб, к примеру, придорожный, как раньше говорили – «верстовой» (см стр.45-44).

Вот один из случаев.

Проезжая из Витебска в сторону Невеля (и далее) по железной дороге, пассажиры видят из окна слева столбы, указывающие расстояния от (и до) Санкт – Петербурга. В их числе между станциями Росляки и Бычиха стоит столб с цифровыми указателями «515-514» (имеется ввиду километров).

Некоторые из пассажиров, зная меня лично, иногда после поездки звонят и говорят «А столб на вашей родине... стоит...».

Да, так можно сказать. Именно у этого столба моя родина. Здесь было местожительство родителей, начиная с 30-х годов прошлого века и до 1975 года.

В нескольких шагах от столба стоял дом, называемый по железнодорожной терминологии «будкой». И сейчас еще видны следы дома. Здесь прошло моё детство, юность, взрослая жизнь, в том числе и после поступления в училище, а затем в институт в Витебске. После женитьбы были уже вместе со своей семьей: жена, дети, во время выходных, отпусков, каникул и пр. И так до переезда родителей в Витебск и вступления всех в называемую «дачную жизнь».

Ну а столб? Видимо, он был установлен во время прокладки железной дороги еще в 1904г.. Сейчас он - история и свидетельство людей, работавших на дороге, или проживавших в будке 515 или казарме 514 км. (в том числе и нашей семьи). Он – хранитель сведений о явлениях и событиях нашего общества и государства, как и память о многих человеческих судьбах (Думаю, что его если меняли или реконструировали, он эту информацию передавал своему преемнику по наследству).

Что мог бы вспомнить этот памятный для меня 515-514 столб? Что видел он? Что мог бы рассказать о людских радостях и

горестях, об их делах и страданиях? Сейчас все это остаётся его тайной навсегда.

Что памятно мне, например, из моего детства, прошедшего рядом с этим «семейным другом» у столбовой железной дороги, или из более поздних лет жизни в придорожной будке, на 515 километре...

Вот лишь некоторые краткие зарисовки или только отдельные их малые штрихи.

17. Железнодорожная артерия

До войны (т.е. Великой Отечественной Войны 1941 – 1945 гг.) железная дорога была двухпутной. Для существующего советского государства (как я думаю, и для России до революции 1917 г.) она была своеобразной артерией по связи юга страны с Санкт-Петербургом (тогда Ленинградом) По ней шли составы с донецким углём, бакинской и грозненской нефтью и нефтепродуктами, украинским зерном, молдавскими овощами и фруктами.

От станции «Росляки» начинался трехкилометровый подъем дороги и тяжелые составы с трудом его преодолевали, иногда останавливались, вызывали дополнительную помощь в виде паровоза-толкача, поэтому в конце подъема на 514 км. был открыт так называемый «блок-пост» с проходными семафорами (мы его называли разъездом).

Из грузовых вагонов поездов иногда просачивалось зерно. Поэтому наши куры «паслись» на полотне железной дороги и часто попадали под проходивший паровоз, особенно, когда поезд шел с большой скоростью со стороны Бычихи, в мою обязанность входило сгонять кур с железной дороги, иногда и перед самим поездом. Было опасно.

18. Моя болезнь

Помню, в детстве болел. Мать держала меня на руках у окна, показывая на семафор на разъезде, на наш памятный километровый столб. День был пасмурным.

Потом, спустя годы, мама рассказывала, что в связи с моей болезнью она ходила к знахарке куда-то на железную дорогу Полоцк – Невель. Это от нас километров 50 с лишним, или как говорили «с гаком», по проселочным дорогам. В лесу заблудилась, не знала куда идти. Выручил случайный прохожий. Знахарку она просила только об одном: сказать, буду ли я жив.

И вот, «слава Богу», мне уже под 85.

О какой медицине можно было тогда говорить, если на 50 километров в округе был один «доктор» - «знахарка».

Чем болел? Не знаю и сейчас. И показывали ли меня какому-нибудь врачу? Я так и не спросил у матери.

19. Мои ёлочки

Вдоль железной дороги в 30-х годах были высажены защитные елочки – для снегозадержания. Два ряда ёлочек было посажено на пахатной земле вдоль дорожки, по которой мы ходили в деревню. И вот в один из дней после посадки я обнаружил, что тропинки нашей не стало – на ней ёлочки. И я решил «поправить посадки» - стал вытаскивать ёлочки из земли и отбрасывать их дальше от дорожки.

Через некоторое время кто-то из родителей заметил такую мою «работу». Взяли лопату и решили возобновить посадки. Я им подавал выброшенные елочки, а они сажали в имевшиеся гнезда. Меня не наказали. А ёлочки? Прижились все до одной. Да они и сейчас растут, а тропинку пришлось проложить в другом месте: ближе от столба к дороге – по откосу.

20. Сергеехина грядка

Я был в деревне. Меня позвала домой мама. И я кинулся бежать, но не по тропинке на откосе, где столб стоит, а напрямик – около Сергеехиного тока, там была дорожка. Но когда я, разогнавшись выбежал на эту дорожку, то увидел, что она перерыва

и вместо нее сделана грядка. Нечаянно я ступил на грядку – не помню одной ногой или двумя. Вот и все, казалось бы.

Но на второй день Сергееха пришла к нам и сказала, что я потоптал её грядку. Как я не оправдывался – она не поверила. Так и осталась её обида на меня даже после того, когда семья их переехала на место нового поселения в деревню Малашенки. Но в самом деле – я не хотел это делать, получилось – с разбегу, виноват. Не выручил меня тогда и мой столб.

21. Нецензурное слово на указателе

Когда сняли переходной ж.д. мост у деревни Блохи, рядом с нашей будкой через пути был сделан переезд для пропуска транспорта, как говорили «на ту сторону».

На дороге перед переездом рабочие установили необходимые предупредительные знаки и таблички и пошли в нашу будку (в дом) отдыхать (а может обедать).

Нам с ребятами (трое мальчишек с разъезда и я) захотелось посмотреть, что там на столбах написано? В школу еще не ходили, читать не умели, но некоторые буквы знали. Стали разбираться и пришли к выводу, что на одном из столбов написано ругательное слово. Как так?

Пошли в дом, где находились рабочие, и я стал спрашивать у них, что за слова там написаны? Какие слова? И я их произнес, как мы поняли. Отец, он был здесь с рабочими, т.е. дома, снял со своих брюк узкий ремень, и так настегал меня, что больше мне не хотелось вообще произносить никаких слов. Другим ребятам наказаний «не досталось» - их родителей здесь не было, а мне...

После мама ругалась на отца за это наказание. Но и отец понял, что зря погорячился. Зато никогда больше он меня не наказывал. Помог, наверно, своим советом и наш родной столб.

22. «Партизан»

Во время войны нас немцы гоняли из одной деревни в другую. В 1943 году мы жили в деревне Хотешино на току, т.е. в сарае для обмолота снопов и сушки зерна. В двух с небольшим километрах

была железная дорога и место, где рядом с памятным столбом стояла наша будка. Будку немцы разобрали и отвезли на разъезд, где сделали ДЗОТ и наблюдательную вышку.

Летом мы решили на бывшем огороде возле железной дороги сделать грядки. И однажды мать меня отправила туда-то ли прополоть, то ли полить эти грядки. Сама осталась с Колей – младшим моим братом.

Закончив работу, я пошел в обратную дорогу. И когда проходил возвышенное на поле место (дороги не было, шел напрямик), я услышал вдали сзади выстрелы и свист пуль около меня. Я понял, что стреляют со смотровой вышки на разъезде в меня. И я ринулся, что есть силы, бежать в низину, чтобы исключить прямое попадание в зоне видимости с вышки, а затем - в кусты.

Выстрелы прекратились, но я продолжал бежать, боясь преследования. Через некоторое время выбежал к бывшей деревне Яночки. Смотрю – Костюк, зять тетки Марьи, косит сено. Преследования нет. И я пошел тихо в Хотешино.

Потом стало известно от рабочих, которых немцы пригоняли делать укрепления, что часовые на вышке, заметив меня, закричали: «Партизан! Партизан!» и начали стрелять. Один из рабочих замахал руками и стал просить: «Не стреляйте. Это наш мальчишка, он пошел со своего огорода».

Говорят, что немцы после этого зарогатали со словами: «Партизан, партизан».

А каково было тогда мне?

В ту пору моих было только 9 лет.

23. Конфеты с ярмарки

А это было уже в мои ранние школьные годы.

В дер. Вировля (7 километров от нас) по традиции проводились кирмаши (ярмарки). На них обычно парни с той или другой деревни, взявшись под руки, ходили по большаку (дороге) и пели частушки. Иногда завязывалась драка – никто не хотел уступать дорогу.

На ярмарку решил сходить и я (с гармошкой). Там я играл парням из какой-то деревни. За это мне заплатили несколько рублей (или копеек). На заработанные деньги я купил завернутых в газетный кулечек конфет-подушечек и отправился домой.

Но уже вечерело, пока дошел (а с гармошкой тяжело), стало темно. И я побоялся нести конфеты домой: родители спросят – где брал деньги?

Решив, что сегодня уже родители спят – им расскажу о «заработке» завтра. И я спрятал конфеты в железнодорожном кювете недалеко от столба.

Назавтра я пошел за конфетами. Но как ни искал (прятал, когда было уже темно), конфет не нашел. Ползал на коленках – нет! Потеря была невозможная.

Кто их нашел – птицы? Куры съели? А может они остались лежать там? Столб наверняка знал, но ... молчал. Жаль, что я не спросил тогда у него об этом.

24. Петровское падение

Случай произошел не у столба 515 километра, а по пути к нему на станции Росляки – сразу за железнодорожным мостом. В интернете есть снимок этого места, как и некоторых других, в том числе столба 515-514 км. Снимки сделаны в 2011 году. Очевидно, по заказу Управления Белорусской железной дороги.

В один из летних дней мы с Еленой Ивановной и дочерью Аллой приехали поездом, как мы говорили «в деревню». Нас встретила мама. Она прикатила велосипед, на нем мы подвозили сумки, продукты и пр.

И вот мы собираемся в дорогу. Пошел дождик. Я решил не просто катить велосипед с нагруженными сумками или с Аллой, посаженной на раму, а поехать самому с Аллой побыстрее домой в будку.

Сложив сумки на багажник, я посадил Аллу, накинув на нее дождевик. Сам одел привезенный мамой плащ. Решил сесть на велосипед и поехать по бровке. Ширина бровки – около одного метра. Слева – шпалы и рельсы, справа откос – практически обрыв в несколько метров, ведь дорога проходила по насыпи. И когда я

садился на велосипед, то запутался в плаще, он попал в звездочку, я не удержал равновесия, и мы ... полетели вниз с насыпи.

... Крики мамы и Лены, плач (?) Алёны, погнутый велосипед, я – в растерянности. Стали поднимать Аллу, вещи, велосипед и пришли к выводу: все в порядке, не разбились. И мы успокоились. Но пришлось мне теперь тащить на себе не только сумки, но и поврежденный с погнутыми колесами велосипед.

И позже мама сказала, что «сегодня Петров день» («Петро», как говорили в деревне). И теперь она, если попадет в церковь, в этот день будет ставить свечку, как свидетельство благополучного исхода нашего падения.

— • —

P.S. И сейчас столб стоит, но только уже в сиротливом одиночестве, хотя и с гордо поднятыми вверх цифрами 515-514. Мне жаль его. Но он постоянно несет свою службу, обеспечивая информативность и безопасность движения поездов, а значит – и нашу с вами безопасность тоже. Спасибо ему!

Приложение

50-ые годы.

(К автобиографической справке, стр. 2-10).

В связи со 105-летием нашего института (университета) в 2015 году газета «Мы і час» обратилось ко мне с вопросом, что памятно мне из нашей совместной более чем полувековой университетской истории – как студенту, преподавателю, проректору и ректору (ответы в газете, ноябрь 2015 г.).

Сейчас, анализируя прожитые годы, я прихожу к выводу, что наиболее значимыми и насыщенными в моей 85-летней биографии были 50-е годы, определившие мою судьбу и всю дальнейшую жизнь.

Что характерно для тех лет?

1. Окончание в 1953 году художественно-графического педагогического училища; работа учителем в школе; избрание

председателем профкома учащихся, давшего мне хорошую организаторскую и общественную практику (в будущем секретарь парткома института, председатель правления областной организации общества «Знание» (20 лет), председатель Совета ректоров Витебской области, член Совета федерации профсоюзов Беларуси и др.)

2. Поступление (1953 г.) в Витебский педагогический институт, одновременная работа в нем в качестве лаборанта и инспектора-методиста

3. Создание семьи (1955 г.), рождение сына (1958 г.), дочь родилась позже (1967 г.)

4. Перевод (февраль 1957 г.) в Полоцкий педагогический институт им. Ф.Скорины (он существовал с 1953 по 1959 годы) - с целью сокращения срока обучения.

5. Окончание института (1957 г.), в г. Полоцке, получение предложения для работы в Полоцком или Витебском педагогическом институте.

6. Направление Министерством просвещения республики в Витебский педагогический институт (в качестве ассистента кафедры высшей математики (август 1957 г.)

7. Выполнение в 1959 г. задания по организации на базе художественно-графического училища факультета пединститута по подготовке учителей рисования и черчения. Новый факультет потом стал для меня прочным фундаментом преподавательской, научной и административной работы и педагогического роста (преподаватель, старший преподаватель, заведующий кафедрой, доцент, проректор, профессор, ректор).

8. Именно на этот период приходятся мои первые (1958 г.) газетные и журнальные публикации, определившие прием в Союз журналистов СССР, подготовка и сдача в производство (Москва, Минск) первых учебно-методических пособий для учителей, студентов (а потом и учащихся) по технической графике.

Февраль 2018

Содержание

На правах рукописи

Вместо предисловия.....	1
1. Фрагменты автобиографии	2
2. Всего несколько строк о родителях	10
3. Как я знакомился с некоторыми географическими наименованиями населенных пунктов.....	14
4. Мои первые книжки.....	15
5. «Швейцария» на 515-ом километре	17
6. Гармонь	19
7. Партизанская мина у железнодорожной будки 515 километр.....	24
8. Знания – от общества «Знание»	25
9. А мог ли В.В. Михельсон предположить.....	27
10. Совсем немного о жене Елене Ивановне.....	29
11. Орша... Не состоявшийся брак?.....	36
Некоторые дополнительные сведения	39
12. Новое о бабушке Анастасии	46
13. Поездки в город Невель.....	48
14. Первый раз в Витебске	49
15. Виноградовы в деревне.....	50
16. А столбы говорят?.....	51
17. Железнодорожная артерия.....	53
18. Моя болезнь	53
19. Мои ёлочки	54
20. Сергеехина грядка.....	54
21. Нецензурное слово на указателе	55
22. «Партизан».....	55
23. Конфеты с ярмарки	56
24. Петровское падение	57
Приложение	58
50-ые годы.....	58